

Д. БРОЗОВИЧ

## СЛАВЯНСКИЕ СТАНДАРТНЫЕ ЯЗЫКИ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

1.1. На IV Международном конгрессе лингвистов в Копенгагене в 1936 г. акад. Б. Гавранек поставил такой вопрос: «Является ли вообще языковая норма, нормирование литературного языка и культура речи предметом лингвистики, относится ли это к ее научным задачам?»<sup>1</sup> В наше время на этот вопрос отвечают утвердительно, так же как отвечал Б. Гавранек в 1936 г., но это не значит, что сама проблема снята с повестки дня. Лингвистические дисциплины, занимающиеся стандартными языками (в нормативном или ином смысле), до сих пор не определили своего отношения к тем дисциплинам, чьим объектом являются языки безотносительно к их стандартизованности или нестандартизованные языки и диалекты. Можно даже сказать, что иногда наблюдается некое скрытое принципиальное непонимание различия этих дисциплин, и в связи с этим — недооценка науки о стандартных языках.

Особенно важным оказывается вопрос о значении стандартных языков для сравнительного языкознания. Лингвисты, занимающиеся исключительно стандартными языками, мало интересуются сравнительным языкознанием, считая его даже устарелым, а компаративисты, со своей стороны, не интересуются проблематикой стандартных языков, но пользуются в той или иной мере их материалом, не обращая специального внимания на их стандартность.

Данная статья посвящена не столько общей теории стандартных языков, сколько месту и роли стандартных языков в компаративистике — генетической, типологической и сопоставительной. Автоматически возникает вопрос — не должна ли существовать в компаративистике специальная дисциплина, предметом которой было бы изучение и сравнение исключительно стандартных языков с учетом этой их специфики. Естественно, что поднимаемая здесь тема должна опираться на материал какой-либо конкретной языковой семьи — в данном случае она ставится главным образом на материале славянских языков.

1.2. Для рассматриваемой здесь проблемы вопросы терминологии приобретают исключительное значение, во-первых, из-за недостаточной ее разработанности и отсутствия необходимости ассоциаций, которые могли бы обеспечить понимание даже в условиях неоднозначности и неустойчивости терминов; во-вторых, из-за того, что новая постановка вопроса требует новых терминов, пересмотра, уточнения или иного распределения старых.

1.2.1. Общим, качественно и иерархически нейтральным, т. е. не имеющим специфического значения, избирается термин и д и о м. Идиомы мо-

<sup>1</sup> См.: B. H a v r á n e k, Zur Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur, «Actes du IV Congrès international de linguistes», Copenhagen, 1938, стр. 151; переиздано в сб. «A Prague school reader in linguistics», Bloomington, 1964, стр. 413.

жно классифицировать по трем различным критериям: органичность ~ неорганичность, конкретность ~ неконкретность, высшая ~ низшая иерархическая ступень. Очевидно, что при такой классификации неизбежна схематичность, ведущая к игнорированию отдельных явлений, неповторимых в своей специфике и потому не подлежащих абсолютной схематизации. Но схемы имеют то преимущество, что они открывают внутреннюю природу и взаимоотношения явлений, образующих структуру.

1.2.1.1. Органическими считаются идиомы, развившиеся в рамках конкретной этнической общности, следовательно, и конкретной этнической культуры; они удовлетворяют лишь ее собственные коммуникативные и экспрессивные потребности. Определение «этнический» не следует рассматривать как синоним к «автохтонный» или «генетически чистый», так как генезис данной общности, так же как и ее культура (цивилизация), для нас в данном случае не существен. Для органического идиoma существенно, что он удовлетворяет потребности конкретной культурно-этнической общности и существует только для этой цели. Если этим идиомом в той или иной мере пользуются представители других общностей, то лишь временно, в условиях пограничных, торговых и подобных контактов, общности же сосуществуют как замкнутые организмы. Такие общности, особенно если они оказываются соседними, обладают известным числом общих элементов культуры. Тем не менее эти элементы являются неотъемлемой частью каждой общности; и хотя они принадлежат одновременно нескольким общностям, они не функционируют в качестве автономной суперструктуры и поэтому не нуждаются в отдельном, с о б с т в е н н о м языковом инструменте. Согласно такому представлению, органическим идиомом мы можем считать лишь говор социально монолитной, этнически гомогенной (независимо от генезиса), замкнутой и устойчивой общности, с определенными особенностями культуры, т. е. говор отдельного села или группы сел и деревень или говор какого-либо племени, рода и т. п., находящихся на начальных ступенях общественного развития. Это исходное положение требует дополнения и разработки в двух направлениях.

На высших ступенях развития появляются автономные надстройки цивилизации, уже лишенные с т р о г о определенной этнической характеристики; вместе с их появлением возникает необходимость в идиомах, которые бы их обслуживали. Органические идиомы дают материал для создания новых, неорганических языковых инструментов<sup>2</sup>, продолжая при этом существовать и развиваться параллельно с ними. Таким образом, органическим будем считать любой идиом, отвечающий изложенной выше характеристике, хотя в наше время его в чистом виде уже нигде нет, даже на Новой Гвинее: ныне органические идиомы сосуществуют с надстроечными неорганическими. Вместе с тем органическим будем считать любой абстрактный идиом высшего иерархического ранга, в котором абстракция выводится из органических идиомов, о чем речь будет ниже.

Н е о р г а н и ч е с к и й идиом в самом характерном своем виде — это любой стандартный язык. Кроме стандартного языка, неорганическими идиомами следует считать также иерархически более низкие феномены той же категории, например разговорный язык (общенациональный или региональный, госр. зональный, в случаях, когда его употребление выходит за релевантные лингвистические границы), интердиалект и т. п. Термин «разговорный язык» нужно воспринимать как обозначение различных субстандартных идиомов, которые в отношении к устной форме

<sup>2</sup> Исключение составляют только так называемые искусственные языки, но и они, посредственно или непосредственно, пользуются материалом природных языков.

установившегося стандартного языка определяются различными «негативными» критериями: региональными отклонениями от нормы, инновациями, не поддержанными престижем, функциональными редукциями и редукциями в инвентаре субстанциональных и структурных элементов, наконец, нестабильностью и неопределенностью самих этих элементов.

1.2.1.2. К о н к р е т н ы м и можно считать только два вида идиомов: территориальный говор и стандартный язык. Только эти идиомы обладают четко определяемым инвентарем элементов своей субстанции и четко определяемой структурой — так что в принципе можно в каждом случае о каждом элементе субстанции или структуры дать однозначный ответ, относится ли он к норме или находится вне ее. (Здесь понятие «норма» употребляется в широком смысле, речь идет о норме языкового сознания коллектива, который пользуется данным идиомом, а не о нормативности, являющейся плодом процессов стандартизации. Естественно, что в стандартном языке присутствует и нормативность.)

Все остальные виды идиомов н е к о н к р е т н ы; органические идиомы, иерархически более высокие, чем говор, а б с т р а к т н ы.

1.2.1.3. И е р а р х и ч е с к а я лестница характерна для обоих видов идиомов — органических и неорганических. Среди неорганических идиомов стандартный язык занимает высшее положение; с лингвистической точки зрения все стандартные языки равноправны. Если бы для них могла быть установлена иерархия, она опиралась бы не на лингвистические особенности самих стандартных языков, а основывалась бы на свойствах того коллектива или той общности, которая пользуется определенным стандартным языком. В этом случае можно было бы установить иерархию не языков, а коллективов (см. 1.3.2.). С другой стороны, если невозможна иерархия стандартных языков на основе их субстанциональных и структурных черт, то возможно описание и систематизация стандартных языков на основе их функциональных признаков (см. 3.2.4).

На иерархической лестнице неорганических идиомов высота ранга прямо пропорциональна степени конкретности: высшим рангом наделен стандартный язык, являющийся конкретным идиомом, разговорный язык относится к неконкретным идиомам (хотя это в малых территориальных масштабах не всегда ощущается) и потому принадлежит к низшему рангу, самый низший ранг, однако, отведен интердиалекту, отличающемуся еще меньшей конкретностью. На лестнице органических идиомов высота ранга обратно пропорциональна степени конкретности. Здесь обладает конкретностью только территориальный говор, являясь органическим идиомом самого низшего ранга. Каждый органический идиом более высокого ранга абстрактен, и эта абстрактность тем больше, чем выше ранг. Это означает, что все органические идиомы — результат абстрагирования общих черт (особенностей) того или иного числа говоров, которые, только будучи конкретными идиомами, способны дать материал для абстракции. Отсюда следует, что ранг органического идиома тем выше, чем больше число говоров, служащих исходной базой при абстрагировании.

Основные позиции на иерархической лестнице органических идиомов занимают территориальный говор как конкретный идиом и диалект как идиом абстрактный. При этом мы можем сгруппировать говоры в группу говоров, наделенную меньшей степенью абстракции, чем диалект, а диалекты в группу диалектов, обладающую большей степенью абстракции, чем диалект. Таким образом, мы можем зафиксировать четыре основных ранга: говор, группа говоров, диалект, группа диалектов<sup>3</sup>. Над ними на-

<sup>3</sup> Подробнее об этом см.: D. B r o z o v i ć, O strukturalnim i genetskim kriterijima u klasifikaciji hrvatskosrpskih dijalekata, «Зборник за filologiju i lingvistik», III, Нови Сад, 1960.

ходится органический идиом самого высокого ранга, для которого у нас нет более удачного названия, чем термин «язык», а так как это слово входит также в состав двучленного термина «стандартный язык», в лингвистике нередко возникают недоразумения в связи с содержанием этих двух терминов (см. 2.2.3).

Органические идиомы ранга более низкого, чем язык, относятся к предмету диалектологии. Органические идиомы ранга «язык» группируются в различные меньшие и большие группировки — группы и семьи языков. Проблема их классификации находится в ведении сравнительной грамматики. Подобный подход к идиомам различного ранга наблюдается и в типологических исследованиях, ведущихся как на уровне диалектологии, так и на уровне компаративистики.

1.2.1.4. Понятие д и а с и с т е м ы — последнее обобщающее понятие-термин, необходимое для систематизации идиомов. Территориальный говор, конкретный органический идиом, в лингвистическом отношении является системой. Органические идиомы более высокого ранга абстрактны и, следовательно, являются диасистемами. Органический идиом в ранге «язык» также оказывается диасистемой. Что же касается групп идиомов в ранге «язык», то их мы также можем в некотором отношении считать диасистемами, но с весьма высокой и все возрастающей степенью абстракции: подгруппа (или малая группа языков), группа (или «ветвь» языков, особенно в славистике<sup>4</sup>), языковая семья в узком смысле, языковая семья в широком смысле. Таким образом, к диасистемам причисляются как отдельные органические идиомы высшего или низшего ранга, так и два или более идиома в ранге «язык».

Естественно, что и стандартный язык, будучи конкретным идиомом, является системой, так же как и территориальный говор, но неорганические идиомы в ранге более низком, чем стандартный язык, нельзя считать ни системами, ни диасистемами, так как они неконкретны и не являются результатом абстракции<sup>5</sup>. Поэтому к неорганическим идиомам из-за конгломератного характера их субстанции и структуры подобная проблематика не применима.

1.2.2. Особая терминологическая проблема возникает в связи с термином с т а н д а р т н ы й я з ы к. Любой термин побуждает к определению отношения содержания и формы, значения и знака (обозначающего). В этом отношении различия в терминах, применяемых к стандартному языку в связи с разными национальными терминологическими традициями, не столь существенны и глубоки; практически разногласия в отношении содержания понятия «стандартный язык» меньше, чем в теории стандартных языков. В данном случае вопрос обозначения особенно важен и имеет принципиальное значение.

Терминология отдельных языков богата разными терминами, соответствующими термину «стандартный язык». Среди них наиболее употребителен «литературный язык» (нем. «Literatursprache», англ. «literary language», франц. «langue littéraire», итал. «lingua letteraria», хорв.-сербск. «književni jezik»). Этот термин обладает лишь одним положительным свойством: длительной традицией и широкой известностью. В ассоциативном плане он плох, так как слишком мало отличается от специализированного термина «язык литературы». По той же причине вообще неудобно включать слово «литература» в состав термина, означающего стандартный язык — в литературе используется не только стандартный язык, и потому термин «литературный язык» слишком ши-

<sup>4</sup> Термин «ветвь» неудобен по той причине, что вызывает ассоциации с родословным деревом (Stammbaum), но и термин «семья» связан с биологическими представлениями. «Семьей в узком смысле этого слова» можно назвать, например, славянскую, «семьей в широком смысле» — индоевропейскую.

<sup>5</sup> В качестве альтернатива конкретности могут выступать две категории: абстрактность в полярной и неконкретность в привативной оппозиции.

р о к. Литература (т. е. беллетристика) пользуется и другими органическими и неорганическими идиомами высшего и низшего ранга, чаще всего в диалоге, но не только в диалоге, например, такими нестандартными письменными языками, как провансальский, диалектами и интердиалектами языков, имеющих свою стандартную форму, как хорватскосербский<sup>6</sup>, или не имеющих ее, как кашубский<sup>7</sup>, затем разными видами разговорного языка, жаргонами и т. п. С другой стороны, термин «литературный язык» одновременно слишком у з о к, так как очевидно, что стандартный язык употребляется не только в беллетристике. Этими аргументами можно было бы пренебречь, учитывая широкую употребительность термина и традицию, если бы не существовало принципиального момента, требующего отказа от термина «литературный язык». Этот термин вызывает ассоциацию о доминирующей роли беллетристики в стандартном языке, хотя литература является лишь одним, правда самым существенным, из компонентов. С этим компонентом, конечно, следует считаться, особенно при рассмотрении ранней фазы развития стандартного языка, но в принципе он остается лишь *primus inter pares*.

Относительно малую употребительность термина «стандартный язык» нельзя считать решающим аргументом против его принятия. Он уже достаточно хорошо известен, в англо-американской терминологии он употребляется чаще других конкурирующих терминов, а в других терминологиях он тоже употребляется все чаще (из славянских более всего — в хорватскосербском)\*. Единственным серьезным аргументом против его употребления следует считать второе значение прилагательного «стандартный», кроющееся в себе опасность ложного толкования. Однако основное интернациональное значение этого прилагательного хорошо отражает существенные особенности любого стандартного языка, в первую очередь те, которые ассоциируются с общественной функцией стандартного языка.

Остальные конкурирующие термины одновременно и качественно несовершенны и мало распространены. Термин «*spisovný jazyk*» принят в чехословацкой лингвистике, где он успешно выполняет свою роль. Довольно употребителен он и в Германии («*Schriftsprache*»). Однако три момента делают его неудобным для обозначения стандартного языка: 1) необходимость интернациональной семантики у национальных терминов; 2) потребность в термине «письменный язык» для обозначения тех языков, которые имеют письменную форму и литературу, но не являются стандартными языками (например, провансальский); 3) потребность в термине «письменная речь» для обозначения письменной реализации стандартного языка (при противопоставлении «устной речи»).

Во Франции и Германии иногда употребляется термин «общий язык» («*langue commune*», «*Gemeinsprache*»). Это название семантически неточно, так как стандартный язык очень редко бывает общим активным достоянием всех членов определенного коллектива. К тому же возможно смешение по ассоциации со стилистической категорией «вульгарного языка» (применительно к французскому и немецкому) или с понятием «празык» (например, «*slave commun*»).

Термин «общенациональный язык», часто употребляемый в социалистических странах, не удовлетворяет как в семантическом отношении, так и из-за возникающей смежности понятий «стандартный язык: нация». Кроме того, термин «общенациональный язык» употребляется в двух различных значениях: 1) «стандартный язык» как стандартная форма определенной диасистемы в ранге языка; 2) то же плюс сумма органических идиомов, подчиненных этой диасистеме. Для этого второго значения, видимо, не требуется специального термина, так как сам объект имеет гетерогенный характер и им нельзя оперировать научно. Французский лингвист П. Бек пользуется противопоставлением «*langue nationale* ~ *langue ethnique*», что значит: диасистема в ранге языка, обладающая стандартной формой (например, *langue d'oïl*) ~ диасистема в ранге языка, не обладающая стандартной формой (например, *langue d'oc*)<sup>8</sup>.

<sup>6</sup> Подробнее об этом см.: D. B r o z o v i ć, *Regionalno i dijalektalno u novijoj hrvatskoj lirici*, [Hrvatsko kolo], V, Zagreb, 1952, стр. 203—207; е г о ж е, *O uvjetima za nastanak i razvoj dijalektalne poezije*, там же, стр. 263—267; е г о ж е, *O modernoj hrvatskoj dijalektalnoj poeziji*, [предисловие к кн.:] N. P a v i ć, *Antologija novije kajkavske lirike*, Zagreb, 1958.

<sup>7</sup> Подробнее об этом см.: D. B r o z o v i ć, *O karakteru kašupske književnosti*, сб. «*Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*», 5, Warszawa, 1965.

\* В русской лингвистике термин «стандартный язык» (= «литературный язык») впервые ввел Е. Д. Поливанов, который говорил о «с т а н д а р т н о м (или „литературном“, или „общерусском“ диалекте) русского языка современности» [и в том же смысле — о «стандартом (или „общерусском“ — опять-таки с оговорками) языке современности»]. См. его статью «О фонетических признаках социально-групповых диалектов, в частности русского стандартного языка» в кн.: Е. П о л и в а н о в, *За марксистское языковедение*, М., 1931, стр. 125, а также 54, 59 (примеч. переводчика).

<sup>8</sup> См.: P. B e c, *La langue occitane*, Paris, 1963. Эта книга представляет собой шаг вперед для западноевропейского понимания вопроса.

Я постараюсь доказать, что это различие отстаивать нельзя — все диасистемы в ранге языка относятся сполна к одной и той же категории понятий и явлений, и наличие или отсутствие стандартной надстройки в принципе не влияет на характер самой категории (см. 2.3).

В некоторых национальных терминологиях принято название «культурный язык». Пожалуй, чаще всего его употребляют поляки («język kulturalny»). Отрицательной стороной этого термина можно считать узость и односторонность его семантики и малоупотребительность. С другой стороны, термин «культурный (интер)диалект» необходим для определения специфических неорганических идиомов. В этом контексте «культурный» означает и культуру и цивилизацию. Французы довольно часто употребляют термин «langue de civilisation» в значении «стандартный язык», но было бы удачнее применять его для стандартных языков, выполняющих известную интернациональную функцию (например, стандартный русский язык в Советском Союзе, стандартный немецкий в средней Европе).

Термин «Bühnensprache» в значении «стандартный язык» воспринимается как устаревший и употребляется исключительно в стилистической и орфоэпической сферах. Изредка вместо названия «стандартный язык» встречается термин «нормированный» или «нормативный язык». Однако чаще за ним закрепляется более узкое и специфическое значение, связанное с понятием «нормы». Другими словами, термином здесь является только атрибут. Название «койне» (κοινή) также не удачно в применении к стандартному языку.

1.3.1. Принятая здесь концепция стандартного языка базируется в основном на принципах пражской школы<sup>9</sup>, в первую очередь на новейших работах Б. Гавранка<sup>10</sup>. Для избранного нами аспекта из двух ключевых понятий — гибкая устойчивость и автономия стандартного языка — существенно последнее.

В западноевропейской и американской лингвистике более подробно, хотя и без специального теоретического исследования, рассматривался вопрос гибкой устойчивости, вопрос же автономии стандартного языка остался в общем вне поля зрения лингвистов-теоретиков.

В отличие от чехословацкой лингвистики, которая стремилась прежде всего точно определить границы между стандартным языком и другими неорганическими идиомами и тем самым определить понятие и сущность стандартного языка, в советской лингвистике преимущественное внимание обращалось на внутренние границы в самом стандартном языке, на его отдельные функциональные стили, на отношение между его двумя основными формами — письменной и устной; «внешние» же его границы оставались без должного рассмотрения<sup>11</sup>. Кроме того, по моему мнению, в советской концепции стандартного языка есть два слабых пункта: 1) распространённое понимание стандартного языка как некоей крыши, под которой объединены все остальные неорганические и органические идиомы разных рангов; при этом предполагается, что под этой крышей нет свободных пространств, но одновременно нет и ничего такого, что бы под эту крышу не входило; 2) механическое расчленение стандартных языков на язык народности, народа, нации, т. е. переоценка роли социальных факторов, общественных формаций при определении характера стандартного языка, его формирования и развития, которое сочетается с невниманием к истинной роли этих факторов в сущности стандартного языка<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Их синтезирующий обзор см.: A. Jedlička, Zur Prager Theorie der Schriftsprache, «Travaux linguistiques de Prague», I, 1964.

<sup>10</sup> См.: B. Havranek, Studie o spisovném jazyce, Praha, 1963; его же, Srovnávací studium struktury spisovných jazyků slovanských, сб. «Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii», Praha, 1963; его же, On comparative structural studies of Slavic standard languages, «Travaux linguistiques de Prague», I, Там же см. обзор работ по проблематике славянских стандартных языков.

<sup>11</sup> Отсюда и различие между русской и чешской стилистикой.

<sup>12</sup> Д. Брозович, излагая мнения отдельных советских ученых или группы ученых, склонен распространять их на советскую лингвистическую науку в целом (примеч. переводчика).

В советской науке существует еще одно специфическое понятие, которое выражается термином «диалектный язык»<sup>13</sup>. В системе терминов, которыми я пользуюсь, это понятие означало бы совокупность органических идиомов, подчиненных одной и той же диасистеме в ранге языка, а в таком значении термин «диалектный язык» оказывается лишним. Термин «диалектный язык» часто употребляется для обозначения понятия, соотносительного со стандартным языком, т. е. или как его коррелят (стандартный язык + диалектный язык = общенациональный язык), или как подчиненное ему явление (в том случае, когда стандартный язык понимается как упомянутая «крыша»). В обоих случаях термин «диалектный язык» не только является излишним, но, как мне представляется, он даже вреден, хотя я высоко ценю русскую теорию лингвистической географии; в методологическом отношении ошибочно понятие одной категории определять понятием другой категории, а в принципиальном плане понятие диалектного языка предполагает гармоническое соотношение: «1 нация — 1 стандартный язык, — 1 диасистема в ранге языка». Такое соотношение — частое, но не регулярное явление (см. 2.3.4).

В последнее время появилось несколько работ, свидетельствующих о том, что советская лингвистика выдвигает новые положения, представляющие собой значительный шаг вперед. Одной из самых характерных и принципиально важных работ является доклад В. В. Виноградова на V Международном съезде славистов<sup>14</sup>. Исключительное значение этого труда состоит в том, что его автор, продолжая традиции русского «стилистического» подхода к теории стандартного языка, подвел итоги предшествующим работам, дав им новую оценку, расширил круг исследования, поставил новые вопросы, систематизировал проблематику. В этой работе преодолевается второй из отмеченных недостатков советской теории о стандартном языке, т. е. слишком общее и мало конкретное оперирование такими понятиями, как язык народности, народа, нации и т. п.

1.3.2. Для удовлетворительного решения изложенных проблем необходима четкая концепция применительно к этно-социальным категориям типа *народность, народ, нация*<sup>15</sup>. Здесь эти термины используются в их принятом у нас смысле. В социологии пока не существует надежной, терминологически точно выраженной системы понятий этих категорий, которая бы имела свою иерархию и определенную соотносительность с лингвистическими категориями. Ряд имеющихся в Германии и особенно во Франции работ не отвечает этим требованиям.

В терминологическом плане ощущается недостаток термина, который в ряду племя — народность — народ — нация<sup>16</sup> означал определенную региональную общность с определенными культурными, диалектными, фольклорными, экономическими, социальными и антропологическими особенностями, с исторически сложившимся самосознанием. Кроме того, необходим общий, качественно и иерархически нейтральный и неспециализированный термин, который бы соответствовал лингвистическому термину «идиом». В этом случае я пользуюсь термином «этнос», получившим уже права на существование.

<sup>13</sup> См.: Р. И. Аванесов, Описательная диалектология и история языка, сб. «Славянское языкознание. V МСС. Советский Комитет славистов», М., 1963.

<sup>14</sup> См.: В. В. Виноградов, Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи, М., 1963.

<sup>15</sup> Различие между языком нации и языком народности определено в указ. работе В. В. Виноградова (стр. 15).

<sup>16</sup> Различие «народ» — «нация» носит скорее качественный, чем иерархический характер.

2.1. Переходя в сферу славистики и общей компаративистики, остановимся прежде всего на той роли, которую играли стандартные языки в сравнительных исследованиях.

В славистике известно несколько попыток классификации членов славянской языковой семьи по генетическим или типологическим признакам<sup>17</sup>. Все эти классификации пользуются при сравнении материалом стандартных языков, для кашубского же и полабского избирается наиболее доступная исследователям форма, а именно, для полабского — сохранившиеся диалектные тексты, а для кашубского практически — *Geneiprotogonisch* Лорентца, который по сути дела является абстракцией, рабочей технической формой, своеобразной конкретизированной диасистемой<sup>18</sup>.

Идеальная генетическая классификация внутри одной языковой семьи требует, чтобы предметом сравнения были отдельные диасистемы, потому что только они составляют категорию явлений, адекватную понятию языковой семьи. Ясно, что не существует стандартной языковой формы, которая бы на уровне языковой семьи была надстроена над отдельными языками, членами этой семьи. Это же положение применимо к языковому союзу: не существует стандартной формы, которая бы на уровне языкового союза представляла собой надстройку над структурами отдельных членов союза, в сущности над теми же диасистемами. Другими словами, адекватная классификация членов языковой семьи, *gesp.* языкового союза, возможна только тогда, когда сравниваются диасистемы, при условии, что для классификации внутри языковой семьи будут найдены соответствующие генетические критерии, точно отражающие отношения между унаследованными субстанциями отдельных членов семьи, равно как и соответствующие типологические критерии, правильно показывающие отношения между их структурами. Для классификации внутри языкового союза опять-таки должны быть выбраны соответствующие типологические критерии. Другой вопрос, в какой мере реальны возможности такой идеальной классификации.

2.2.1. Из изложенного следует, что для членов языкового союза применима только типологическая классификация, а для членов языковой семьи возможна и генетическая и типологическая классификации. Однако эти две классификации не могут считаться в равной мере релевантными в плане некоей общей, всесторонней классификации отдельной языковой семьи, потому что такая семья по своей сути относится к генетическим, а не к типологическим категориям. Таким образом, часто выдвигаемая дилемма — генетическая или типологическая классификация той или иной семьи языков или семей языков — вообще фактически не существует: критерий определяет аспект исследования, который может быть обращен и к субстанции и к структуре сравниваемых родственных языков. Все же существует иерархическое различие между этими классификациями, когда они применяются к членам языковой семьи. Сравнение фактов унаследованной субстанции открывает в той или иной мере взаимные «родственные» отношения членов языковой семьи, естественно, при применении до-

<sup>17</sup> Из новых работ можно отметить следующие: V. S k a l i ě k a, *Typologie slovenských jazyků, zvláště ruštiny*, в сб.: V. S k a l i ě k a, *Vývoj jazyka*, Praha, 1960; P. G a r d e, *Réflexions sur les différences phonétiques entre les langues slaves*, «Word», XVII, 1, 1961; W. M a ě c z a k, *Problem klasyfikacji genealogicznej języków słowiańskich*, сб. «Z polskich studiów slawistycznych», Warszawa, 1958, и др. Свою точку зрения я изложил в докладе на софийском съезде славистов. См.: D. B r o z o v i ě, *O usporednom i tipološkom proučavanju slavenskih jezika i o problemu njihova klasifikiranja*, «Zadarska revija», XII, Zadar, 1963.

<sup>18</sup> См.: D. B r o z o v i ě, *Nachlaßausgaben der kaschubistischen Werke von Friedrich Lorentz*, «Kratylos», VII, 2, Wiesbaden, 1963.



статочного числа различительных критериев и корректном выполнении сравнительных операций.

Этого нельзя сказать о сравнении структурных факторов, которое само по себе не вскрывает никаких существенных показателей родства. Но если полученные результаты учесть в генетической классификации, они могут дать существенные коррективы. Особый случай возникает тогда, когда члены языковой семьи обладают одновременно рядом черт, характерных для языкового союза. Здесь типологический критерий играет уже не вспомогательную роль, а имеет самостоятельное значение. Типичным примером подобной языковой семьи может служить романская семья<sup>19</sup>, но, вероятно, отдельные черты языкового союза можно найти в каждой языковой семье, члены которой не развиваются в полной изоляции друг от друга. Для большинства семей эти черты окажутся малозначительными при классификации членов семьи в целом, но могут оказаться существенными для какой-либо группы языков, входящих в эту семью. Такое положение наблюдается в славянской языковой семье: элементы языкового союза в общем малозначительны для всей семьи в целом, но важны для отдельных групп внутри семьи, независимо от того, связаны ли эти группы генетической близостью или эта близость возникла на почве языкового союза. Известно, впрочем, что славянские языки входят в несколько сложившихся языковых союзов — балканский, евразийский, среднеевропейский, в которых, кроме славянских, представлены и языки других семей. Несомненно, что участие в таких вполне оформленных образованиях имеет большее значение, чем вхождение в менее очевидные общности внутри самой славянской семьи.

Можно, например, считать, что украинский и белорусский языки в рамках славянской языковой семьи входят в две группировки, каждая из которых обладает определенными чертами языкового союза: 1) русско-украинско-белорусского; 2) польско-украинско-белорусского. Условия, приведшие к образованию этих групп, ясны. Менее ясно, почему различия между двумя этими группировками не столь глубоки, как это может показаться при младограмматическом подходе к материалу, который не принимал во внимание того факта, что в список общих черт восточнославянских языков входят и явления, не восходящие к генетической общности<sup>20</sup>, а представляющие собой результат процессов развития, характерных для языкового союза и аналогичных процессов, связывающим белорусский и украинский язык с польским. Это положение применимо также к отдельным генетическим группам, входящим в состав западнославянской и южнославянской ветви: очевидно, что лужицко-сербская и чешско-словацкая группы обнаруживают достаточно ярко выраженные черты языкового союза, в хорватско-сербско-словенской группировке они отражены слабее, но особенно ощутимы они в македонско-болгарской группе и в живых лехитских языках — кашубском и польском. При этом в хорватско-сербском языке наблюдаются очень сложные отношения, которые могут быть правильно определены только на диалектном уровне. Торлакская группа диалектов входит в самый оформленный языковой союз — балканский; кайкавская, чакавская и штокавская группы диалектов объединяются со словенским языком и членами балканского союза разнообразными количественными и качественными показателями негенетического порядка; различны отношения со средиземноморским, малоизученным среднеевропейским и еще менее определенным альпийским союзами.

2.2.2. Таким образом, типологические показатели важны прежде всего для двух целей: во-первых, для более четкого определения структуры унаследованной субстанции (поскольку одинаковые результаты разви-

<sup>19</sup> Ср.: B. H a v r á n e k, Problematika miješanja jezika, «Zadarska revija», XIII, 3, Zadar, 1964.

<sup>20</sup> Термины «ветвь» или «группа в широком смысле этого слова» (восточнославянская, западнославянская, южнославянская) и «группа» или «группа в узком смысле этого слова» (лехитская, лужицко-сербская, чешско-словацкая, хорватско-сербско-словенская, македонско-болгарская и восточнославянская, которая фигурирует, таким образом, на обоих уровнях) объяснены в моей работе «O strukturalnim i genetiskim kriterijima...».

тия могут оказаться в различных системах, а различные результаты развития наблюдаться в одинаковых системах); во-вторых, для выявления структурных отношений, возникших в результате формирования языковых союзов, независимо от того, существенны они для семьи в целом или они важны преимущественно для отдельной группировки внутри семьи<sup>21</sup>. Естественно, что принимаемые типологические критерии будут по-разному применяться в случае, когда на их основании определяется только структура унаследованной субстанции, и в случае, когда они используются для типологического определения явлений, возникших в результате формирования языкового союза. Например, развившиеся из праславянского формы простых прошедших времен в лужицких языках, в хорватско-сербском, македонском и болгарском представляют собой в каждом отдельном случае часть системы глагольных времен данного языка и могут быть рассмотрены типологически путем сравнения друг с другом и с остальными славянскими языками, в которых простые прошедшие времена отсутствуют. Однако они могут изучаться и независимо от их генетических связей как факты языкового союза. В этом случае сербо-лужицкий имперфект и аорист можно анализировать в сопоставлении с немецким претеритом, а македонский и болгарский в сопоставлении с простыми прошедшими временами в балканских языках<sup>22</sup>. В обоих случаях речь идет о различных субстанциях соответствующих славянских и неславянских языков, однако их структурные отношения могут изучаться и независимо от субстанциональных различий. Подобным примером могут служить и просодические системы болгарского и македонского стандартных языков. Первая из них сопоставима с восточнославянскими просодическими системами, вторая, хотя и в меньшей мере — с польской и в какой-то мере с лужицкой системой, но обе одновременно входят в структуру балканского языкового союза<sup>23</sup>.

Это значит, например, что факты одного языка, в данном случае македонского, следует интерпретировать и как результат автономной эволюции унаследованной субстанции (эволюции собственно македонской, восточноюжнославянской и общеевропейско-славянской), и как результат развития целостной структуры македонского языка, в которой эти факты реализуются. Однако их следует интерпретировать и в связи с процессами, обусловленными вхождением македонского языка в языковой союз, т. е. в данном случае следует учитывать отношение македонского языка к болгарскому и к сербским диалектам, с одной стороны, а с другой — отношение его к неславянским языкам балканского языкового союза, а также к балканскому союзу в целом и даже к более

<sup>21</sup> Это положение применимо и к иерархически более высокому уровню — балто-славянская общность имеет, например, одновременно и характер генетического образования и отдельные черты языкового союза. (Это положение я излагал в работе, указанной в примеч. 17, и в статье «O važnosti baltičkih jezika za slavistiku, osolito za našu dijalektologiju», «Jezik», VIII, 3—4, Zagreb, 1959—1960, стр. 111—124.) Иной характер носят поздние локальные пограничные балто-славянские образования, возникшие в результате польско-литовских, белорусско-литовских, русско-латышских контактов.

<sup>22</sup> На диалектном уровне, таким образом, можно рассматривать, например, имперфект, сохранившийся в северно-западных чакавских говорах (о. Сусак) и словенских говорах Венецианской Словении. Этот имперфект функционально совпадает с далматским и венецианским имперфектом (словенский, резьянский имперфект — с фриульским). Это означает, что простые прошедшие времена в славянском мире сохранились только там, где они получили дополнительную функциональную нагрузку от соседних неславянских языков.

<sup>23</sup> В более широком фонологическом плане можно, естественно, рассматривать просодические системы отдельных славянских языков в рамках больших европейских и евразийских типологических ареалов с более или менее ярко выраженными чертами языковых союзов. См. работы Р. Якобсона и П. Ивича (R. Jakobson, *Selected writings*, I — *Phonological studies*, 's-Gravenhage, 1962, стр. 137—143, 144—201, 134—246; P. Ivíč, *Importance des caractéristiques structurales pour la description et la classification des dialectes*, «Orbis», XII, 1, 1963.)

обширным зонам. Разумеется, два указанных здесь аспекта имеют значение и на уровне диалектов: действительный характер многих явлений в пограничных языковых зонах часто остается нераскрытым в диалектологии и компаративистике из-за одностороннего подхода, т. е. из-за невнимания ко всем аспектам и их хронологической последовательности.

В связи с этим возникает возможность и иной интерпретации так называемых влияний, интерпретации более систематической и учитывающей совокупность исторических процессов развития языка. Не вникая подробно в этот вопрос, затрону лишь один момент. До сих пор речь шла только об унаследованной субстанции и о разных типах структурных отношений, в которых эта субстанция реализуется. Однако, как известно, субстанция любого языка обладает и приобретенными элементами, являющимися либо результатом развития собственных материальных и творческих возможностей, либо результатом так называемых влияний. С точки зрения языковой семьи, элементы приобретенной субстанции существенны как отрицательный показатель: они свидетельствуют о том, что некоторый язык в определенных фрагментах его субстанции не имеет уже того или иного элемента, некогда бывшего общим для всей семьи, и что в настоящее время этот элемент замещен новым.

С точки зрения языкового союза, приобретенные элементы субстанции (если они не малочисленны) обычно способствуют более полной характеристике общих черт языков, образующих языковой союз. Как правило же, приобретенные элементы не имеют особого структурного значения, речь идет почти всегда об изолированных фактах, не поддающихся обобщению, чаще всего об обычных лексических заимствованиях или семантическом переосмыслении, т. е. о внутренней субстанции. Очень редки и нетипичны такие случаи, как славянский вокатив на -о в румынских именах жен. рода, имеющий большое структурное значение. Разумеется, его структурная значимость была бы еще большей, если бы и грамматическая категория вокатива была также заимствована из славянских языков.

2.3.1. Стандартные языки неудобны для сравнения, как генетического, так и типологического. Генетические и типологические структуры возникают на разных уровнях, стандартные же языки по своей природе равноправны, независимо от того, какими были генетические отношения между субстанциями, на основе которых они создавались (см. 2.4). Нет ничего опаснее, чем механический перенос категорий лингвистики, изучающей органическое развитие языков генетически или типологически, в сферу стандартных языков. Это приводит к ошибочным отождествлениям, из которых, по моему мнению, самое вредное — отождествление **я з ы к а** и **с т а н д а р т н о г о** **я з ы к а**.

Выясняя, является ли данный органический идиом языком вообще (т. е. диасистемой в ранге языка), необходимо определить отношение его субстанции и структуры к субстанции и структуре «родственных» идиомов. Надлежащие генетические и типологические критерии позволяют ответить на вопрос, заслуживает ли этот идиом «ранга» языка или его следует трактовать как диалект того или иного ранга, но все же в рамках некоего языка высшего порядка. Хотя такие критерии еще не разработаны в лингвистике, а методология их применения еще не совершенна, по-видимому, все же нет оснований для априорного скептицизма. Пока существуют, по-моему, два наиболее перспективных метода, по крайней мере в Европе: сравнение инвентарей частиц, особенно относящихся к интеллектуальной сфере, и поиск определенной константы<sup>24</sup> в соответствиях целостной субстанции и частично — структуры<sup>25</sup>, константы, которая давала бы определенную гарантию объективности в операциях группировки и разграничения. Разумеется, это еще не достаточно определенный ответ на коренной вопрос компаративистики, однако совершенно очевидно, что

<sup>24</sup> Глоттохронология обращается к константным элементам только основного лексического фонда; в этом ее слабость. О проблеме частицы в связи с затронутым вопросом я писал в работе «O usporednom proučavanju morfološke i sintaktičke strukture slavenskih standardnih jezika», «Slavia», XXXIV, 3, 1965.

<sup>25</sup> Термин «структура» употребляется здесь в несколько специфическом смысле: принимаются во внимание как унаследованные структурные черты, так и результаты так называемых «общих тенденций развития» языковой семьи.

вопрос «имеет ли данный идиом стандартную форму?» не должен включаться в состав критериев, на основании которых делается заключение о ранге органических образований. Естественно, что стандартная форма, как мы увидим далее, будучи однажды сформирована, воздействует на субстанцию и структуру той основы, на которой она базируется, но квалифицировать данную диасистему как язык вообще можно только на основании конкретных результатов этого воздействия, а не на основании наличия или отсутствия стандартной формы данного идиома. И наоборот, при решении вопроса о том, имеет ли некоторый идиом характер стандартного языка, следует считать релевантными не субстанциональные и структурные признаки, а только следующие три фактора: 1) природа идиома как коммуникативного и экспрессивного средства определенной культуры; 2) его функциональное качество и, наконец, 3) характер самой культуры.

При определении стандартного языка существенно то, что он является автономным видом языка, всегда нормированным, возникающим в условиях, когда некоторая этническая или национальная общность, включаясь в интернациональную культуру, начинает пользоваться своим идиомом, который прежде служил только потребностям данной этнической культуры. В этом определении нет места вопросу о том, имеет ли этот идиом ранг языка; это значит, что стандартный язык может быть сформирован и на такой основе, которая, с лингвистической точки зрения, находится в ранге диалекта. Следовательно, факторы, определяющие лингвистический ранг отдельных диасистем, относятся исключительно к компаративистике или диалектологии, т. е. устанавливаются только сравнением с другими диасистемами, тогда как стандартность того или иного идиома определяется на основании фактов, принадлежащих самому идиому.

Речь идет о различных критериях и различных операциях их применения, и тот факт, что конкретные стандартные языки практически чаще всего совпадают с «языками вообще», не имеет решающего значения. Рассуждения об отдельных случаях, когда эти два ряда критериев дают несовпадающие результаты, чаще всего беспредметны. Например, тот факт, что румынский и молдавский — два разных стандартных языка, не должен ставить перед нами дилемму, входят ли в состав романской семьи языков оба из них или только один, как бы мы его не называли (практически его называют румынским). Недоразумения здесь быть не может: если мы устанавливаем состав романской семьи языков, то в ней будет фигурировать только один язык, так как различия в субстанции и структуре румынского и молдавского стандартных языков находятся, с точки зрения романской семьи, на таком уровне, который не соответствует рангу языка. Другое дело, когда мы устанавливаем число стандартных языков с романской субстанцией и структурой. В этот состав должны войти и румынский, и молдавский, зато будут исключены сардинский и провансальский, включенные в первый список. Сходным образом обстоит дело с кашубским языком в славянской семье языков, хотя относительно кашубского выражаются серьезные сомнения в самостоятельности его субстанции и структуры в рамках славянской семьи и по отношению к польскому языку. Я считаю этот скепсис неоправданным, но подобные сомнения имеют право на существование; аргумент об отсутствии кашубского стандартного языка в данном контексте не подлежит обсуждению, хотя он отражает неопровержимую и очевидную истину<sup>26</sup>.

2.3.2. Наличие или отсутствие стандартной разновидности влияет на органические языковые образования. Как только общество окажется в ситуации, когда ему станет необходим стандартный язык, оно образует собственный стандартный язык или примет в качестве такового, сознательно или вынужденно, какой-нибудь иной язык, «родственный» или «неродственный». С этого момента стандартный язык будет воздействовать на суб-

<sup>26</sup> В сб. «Вопросы молдавского языкознания» (М., 1953) можно найти немало неуклюжих импровизаций и неясных формулировок при попытке определить молдавский язык в качестве самостоятельного феномена.

станцию и структуру каждого органического диалекта, независимо от того, в каких лингвистических отношениях находятся субстанции и структуры этих двух принципиально различных идиомов. Разумеется, если субстанция и структура диалектной основы стандартного языка принадлежат той же диасистеме в ранге языка, что и субстанция и структура данного органического диалекта, то они начинают постепенно изменяться, центро-стремительная сила стандартного языка приводит к тому, что он становится образцом, которого придерживаются в своем развитии данный органический говор, так же как и все остальные говоры всех диалектов, находящиеся в одинаковом отношении к стандартному языку. Механизм этих процессов обнаружит явления своего рода «диалектного союза». При соответствующих культурных условиях эти процессы приведут в конечном счете к отмиранию диалектов. Развитие в сфере *langue d'oil* дает хорошую иллюстрацию к протеканию этих процессов — в настоящее время в этой сфере существует практически только стандартный французский язык со своими локальными неорганическими субстандартными типами.

Аналогичное положение наблюдается при сосуществовании двух родственных диасистем в ранге языка, из которых одна (А) имеет стандартную разновидность, а другая (В) — не имеет, причем носители органических говоров разных диалектов диасистемы В пользуются в определенных культурных ситуациях стандартным языком диасистемы А. В этом случае процессы, протекающие в говорах и диалектах диасистемы В, будут аналогичны тем, которые описаны выше, и при известных условиях будут иметь те же результаты, т. е. постепенное отмирание говоров и диалектов диасистемы В. В качестве переходной фазы будут формироваться новые диалекты диасистемы А, отличающиеся от оригинальных диалектов уже генезисом и субстратом. Впрочем сходные процессы очень часто происходят, когда в определенных исторических условиях диалекты одной диасистемы окажутся вне сферы действия собственного стандартного языка и попадут в сферу стандартного языка, принадлежащего соседней родственной диасистеме, особенно если территория, на которой распространены эти диалекты, войдет в национальное образование, пользующееся стандартным языком этой другой диасистемы. Если же формирование нации завершилось прежде, чем соответствующая территория подпала под воздействие другого стандартного языка, то эти процессы будут замедленными, а чаще всего вообще не смогут дать ощутительных результатов. Европа дает нам достаточное число таких примеров.

Нация, стандартный язык и диасистема в ранге языка представляют собой три принципиально различные категории, которые обычно покрываются друг другом, однако это не является обязательным условием. Правда, существует тенденция к тому, чтобы на территории одной диасистемы в ранге языка формировалась одна нация и один стандартный язык, и это естественно, поскольку стандартный язык должен строиться на определенной языковой основе, язык же как таковой — один из элементов этнического облика, а нация есть социально-этническое образование. Верно также, с диалектической точки зрения, что существует и обратное влияние: нация нуждается в стандартном языке и потому форсирует его образование, если он не унаследован от докапиталистических (или досоциалистических) социально-этнических формаций, а стандартный язык, будучи сформирован, воздействует на диасистему. Однако могут существовать и разные иные комбинации. Например, при благоприятных условиях могут длительное время сохраняться комбинации типа: 1 нация — 1 стандартный язык — 2 диасистемы (ср. польский и кашубский, французский и провансальский, итальянский и сардинский) или 2 нации — 2 стандартных языка — 1 диасистема (ср. румынский и молдавский), 1 нация — 2 стандартных языка — 2 диасистемы (ср. норвежский и серболужицкий — со скидкой на то, что лужицкие сербы не имеют всех выраженных признаков нации<sup>27</sup>), или 2 нации — 1 стандартный язык — 1 диасистема (ср. английский и американский вариант английского языка, сербскохорватский)<sup>28</sup> и т. д.

<sup>27</sup> В этом вопросе более существенным оказывается соотношение «лужицкие сербы» — «немцы», чем «нижние лужичане» — «верхние лужичане». Подробнее об этом см.: D. B r o z o v i ć, O prirodi i funkcijama standardnog jezika, «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», A — 8, Budyšin, 1961; е r o ж е, O slavističkom i općelingvističkom pristupu lužičkim jezicima, «Radovi Filozofskog fakulteta», III, Zadar, 1961—1962.

<sup>28</sup> В этом случае стандартный язык не будет иметь единого облика, поскольку в нем будут развиваться варианты (2.3.3).

2.3.3. Если отсутствие собственной стандартной формы языка отрицательно сказывается на устойчивости диасистем, особенно когда они попадают в сферу распространения стандартной разновидности соседней родственной диасистемы, то возможно также и обратное положение, при котором наличие д в у х стандартных разновидностей в рамках о д н о й диасистемы начинает угрожать лингвистическому единству этой диасистемы. Развитие такого рода требует определенных условий, которые зависят от обоих компонентов понятия стандартный язык: его особой субстанции и структуры и того, что он служит орудием высшей интернациональной культуры определенной социально-этнической формации, в настоящее время обычно — нации. Первое условие требует, чтобы диалектные основы двух стандартных языков были достаточно различными, чтобы их территориальное и лингвистическое расхождение в пределах диасистемы было достаточно велико. Если к этому условию присоединяются другие, социальные и политические, культурные, экономические, географические и подобные, то, как правило, стандартные языки воздействуют на свою основу в направлении, которое приводит к разрушению диасистемы. Естественно, что это требует длительного времени, однако показательно, что некоторые европейские диасистемы в ранге языка сохраняют свою лингвистическую самостоятельность именно благодаря этим процессам, или, точнее говоря, в этих диасистемах раннее возникновение письменного языка (см. 1.2.2) как подготовительной стадии к формированию стандартного языка обусловило появление особой диасистемы, которая в других условиях могла объединиться в своем развитии с родственными диалектами, составляющими в настоящее время другую диасистему. Это наблюдается тогда, когда различные лингвистические и экстралингвистические факторы, определяющие судьбу диасистемы в ранге языка, находятся в равновесии. Если же субстанция и структура двух стандартных языков, принадлежащих одной диасистеме, не обнаруживают существенных различий, мы приближаемся к понятию в а р и а н т о в стандартного языка.

Началом формирования многих национальных стандартных языков было возникновение в соответствующей диасистеме двух или трех близких в лингвистическом отношении вариантов письменного языка, которые позднее в процессе формирования национального стандартного языка слились. В том случае, когда эти варианты лингвистически (т. е. диалектно) сильно различались, полного слияния не наступало, но в процессе постепенного развития национального стандартного языка один из этих вариантов становился преобладающим. Однако если варианты развиваются в многонациональной диасистеме, то они не сливаются полностью даже в случае идентичности их субстанции и структуры. При благоприятных социальных в самом широком смысле условиях варианты с идентичной субстанцией и структурой (ср. уже приводившиеся случаи с сербским и хорватским, английским и его американским вариантом или, особенно, немецким и его австрийским вариантом) развиваются более или менее параллельно. Общие тенденции к нормализации, естественные для всякого стандартного языка, будут постоянно приводить к нивелированию различий между национальными вариантами (например, в хорватско-сербском, английском или немецком языке), в то время как диалекты, литература, национальная духовная и материальная культура, географический и пр. моменты будут давать все новый материал для расхождения вариантов. В национально гомогенных стандартных языках эти и подобные источники дают также материал для образования дублетных форм; однако в таких языках дело не доходит до ощутимой поляризации дублетов — дублеты некоторое время сосуществуют, а затем либо один из них элиминируется из стандартного языка и переходит на субстандартный уровень, оставаясь

в качестве архаизма частью стилистической структуры, либо они функционально дифференцируются и таким образом перестают быть дублетами. Аналогичные явления возможны и в национально негомогенных языках, но для них более характерна поляризация новых дублетов, так что каждый дублет закрепляется за одним вариантом<sup>29</sup>. Настойчивое стремление к нивелированию или устранению национальных вариантов в стандартном языке ставит под удар автономию стандартного языка и его гибкую стабильность. Характерно, что сосредоточение главного внимания на проблеме вариантов и их нивелирования препятствует научной разработке стандартного языка в целом.

Для определения понятия «вариант» существенны следующие признаки:

(а) Вариант есть форма приспособления единого стандартного языка к традиции и современным потребностям наций как определенных социально-этнических формаций. Варианты закономерно возникают во всех национально негомогенных стандартных языках. Было бы нематериалистично и недиалектично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, одно общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий те же функции между двумя нациями.

(б) Практически (и юридически) варианты национально гомогенных языков функционируют так же, как национально гомогенные языки<sup>30</sup>. Для сербов и хорватов, например, национальные варианты хорватско-сербского стандартного языка функционируют таким же образом, каким для русских функционирует русский стандартный язык; иначе говоря, в отношении стандартности русский стандартный язык легче сравнивать с хорватским и сербским вариантами в отдельности, чем с хорватско-сербским языком в целом. Это значит, что в кругу национально гомогенных языков при изучении стандартности легче оперировать с вариантами национально негомогенных стандартных языков, чем с самими национально негомогенными языками (см. 3.2.4.). В применении же к другим лингвистическим дисциплинам, в том числе к генетической и типологической компаративистике, следует оперировать только с языками, независимо от того, имеют они варианты или нет.

(в) Отсюда вытекает, что в случае, когда на территории распространения определенного стандартного языка наряду с ареалами, занимаемыми четко сформировавшимися нациями, находятся ареалы, где национальный признак выражен слабо, с ними соотносятся зоны, в которых сосуществуют разные национальные варианты. Сербский и хорватский варианты представляют собой, таким образом, *mutatis mutandis* явления, аналогичные английскому и американскому варианту, а Боснию и Герцеговину, так же как и Канаду, можно рассматривать как область, где скрещиваются особенности обоих вариантов<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Естественно, дублеты могут существовать и в каждом из вариантов, так же как и в любой другой языковой системе. Возможны, например, случаи, когда вариант *A* имеет дублет *a*, а вариант *B* дублеты *a* и *b* или когда в обоих вариантах сосуществуют дублеты *a* и *b*, иногда с различиями в значении, функции и частотности. В качестве типичного примера можно взять из хорватско-сербского стандартного языка слова *promet* и *saobraćaj*. В значении «товарооборот» и хорватский и сербский варианты употребляют слово *promet*, в значении «сообщение между людьми» оба варианта пользуются словом *saobraćaj*, но в значении «транспорт» в хорватском варианте чаще употребляется *promet*, а в сербском — почти исключительно *saobraćaj*. Полвека тому назад хорватский вариант имел только *promet* для всех трех значений, а сербский *saobraćaj*.

<sup>30</sup> См.: L. J. Jonke, *Specifičnosti u normiranju hrvatskosrpskog književnog jezika*, «Jezik», XII, 1, Zagreb, 1964—1965; ег о ж е, *Književni jezik u teoriji i praksi*, 2-е изд., Zagreb, 1965, стр. 189—199; ег о ж е, *Značenja i uloga jezika u pravilnom razvijanju međunacionalnih odnosa u Jugoslaviji*, «Naše teme», IX, 9, Zagreb, 1965.

<sup>31</sup> Разумеется, аналогия вариантов хорватско-сербского языка и английского стандартного языка сводится к характеру самого явления и его функционирования,

(г) Различия между вариантами касаются в основном субстанции стандартного языка, а на его структуре они отражаются мало, или, как в случае с хорватскосербским языком, почти не отражаются<sup>32</sup>. Это же относится и к норме: варианты имеют одинаковую систему общих норм; в ее пределах определенные позиции оказываются дублетными и взаимозаменяемыми<sup>33</sup>.

(д) Варианты — это не чисто языковое, а языково-социологическое явление, которое никоим образом не следует смешивать с диалектными явлениями. Отношение вариантов к диалектам не отличается от отношения стандартного языка к диалектам. Несомненно, во всех вариантах отдельных стандартных языков местная специфика чисто лингвистических категорий играет несравненно меньшую роль, чем специфика цивилизационно-языковой надстройки (терминология в широком смысле этого слова, графические и орфографические особенности и т. п.).

(е) Поэтому варианты не следует смешивать с отдельными языковыми особенностями, характерными для больших — региональных, или меньших — локальных зон. Зональные особенности наблюдаются в каждом стандартном языке, распространенном на большой территории, и могут существовать в границах самих вариантов, например, сербский вариант хорватскосербского языка имеет свою экавскую и екавскую зоны. Естественно, что и здесь речь идет не о диалектных явлениях.

(ж) Следует, таким образом, различать, с одной стороны, в а р и а н т ы стандартного языка — сформировавшиеся единицы, обладающие комплексными языковыми и особенно надязыковыми особенностями и функциями, свойственными стандартному языку в национально-гомогенных языках, а с другой стороны, з о н ы, в которых нет четкой дифференциации, где скрещиваются разные особенности вариантов (Босния и Герцеговина, Канада), или з о н ы, возникающие в результате дифференцированного употребления отдельных языковых особенностей стандартного языка (экавская и иекавская зоны у сербского варианта, зона

а не к генезису этих явлений. Если для хорватскосербского языка варианты — два параллельно развившихся идиома, то в английском языке один вариант развился из другого. Подробнее см.: D. Brozović, O problemima varijanata, «Jezik», XIII, 2, Zagreb, 1965—1966.

<sup>32</sup> Проблема заключается в фонематическом статусе так называемого долгого ятя, но это явление касается больше отношений иекавской и экавской зоны сербского варианта, чем отношения самих вариантов. См.: D. Brozović, Vom Begriff der Richtung bei den phonologischen Oppositionen, «Wiener slavistisches Jahrbuch», XI, [Wien], 1964; с иных позиций этот вопрос рассматривается в статье: D. Brozović, Some remarks on distinctive features, especially in standard Serbo-Croatian, «Festschrift for Roman Jakobson» (в печати).

<sup>33</sup> В Европе нельзя найти удачного примера возникновения двух стандартных языков на базе одной и той же диасистемы в ранге языка. Гегский и тосский (албанская диасистема) могли оказаться в таком положении, но этому помешал процесс их постепенного слияния. Румынский и молдавский (румынская диасистема) имеют в общем незначительные субстанциональные различия. Норвежский риксмол правильнее рассматривать в качестве варианта датского стандартного языка, а не как отдельный стандартный язык (иначе обстоит дело с ландсмоллом, относящимся к другой диасистеме). Руманч и фриульский (реттороманская диасистема) скорее «письменные», чем стандартные языки. Идиш (верхненемецкая диасистема) и сефардский (испанская диасистема), обладающий малой степенью развития, — явления специфического порядка. Вне Европы в качестве удачного примера можно привести Afrikaans (см. раздел 2.3.4); среди языков неевропейского происхождения классическим примером могут служить арамейские стандартные языки и их варианты (принимая во внимание фактическое и функциональное различие между древними и современными стандартными языками вообще) — в недавнее время восточноармянский и западноармянский являются стандартными языками. Отличным современным примером могут послужить также стандартный урду и стандартный хинди (диасистема, известная под названием «хиндустани»). Сходные явления наблюдаются в некоторых языках уральской семьи.



*sch*-и зона *zh*- в чешском стандартном языке, зоны варшавского и краковско-го типов сандхи в польском стандартном языке и т. п.).

(3) Соотношение «стандартный язык : варианты» в некотором смысле напоминает соотношение понятий «*langue : parole*». Это означает, что национально негетогенный стандартный язык существует в принципе только как абстракция и практически и в письменной и в устной форме реализуется в виде вариантов.

2.3.4. При исследовании стандартных языков существует опасность субъективных оценок. Как определить, следует ли ту или иную диасистему рассматривать в ранге языка или в ранге ниже, *gesp.* выше, языка, т. е. как группу диалектов, *gesp.* группу языков, или с какого момента можно говорить о языке, имеющем свою письменную форму, как об уже более или менее сформировавшемся стандартном языке, или как установить критерий, позволяющий различать два стандартных языка, сформировавшихся на основе одной и той же диасистемы, от двух диасистем в ранге языка, или как определять различие между двумя вариантами одного стандартного языка и двумя стандартными языками? В последнем случае возможно, например, существование, с одной стороны, двух вариантов с незначительным числом дублетных, вариативных нормативов, имеющих, однако, существенные субстанционные различия, и, с другой стороны, двух стандартных языков с мало существенными субстанциональными различиями и т. д. и т. п.

Объективная действительность богата различными возможностями. Если взять для примера нижненемецкую диасистему, то на уровне германской языковой семьи или на более низком уровне — западногерманской группы языков эта диасистема будет рассматриваться как единица в ранге языка. На немецкой национальной территории нижненемецкая диасистема лишена своей стандартной формы, в то время как верхненемецкий стандартный язык выполняет все функции языка как орудия высшей цивилизации. В беллетристике и в более низких культурных сферах употребляется несколько нижненемецких ненормированных письменных вариантов, известных под общим названием *Plattdeutsch*. На голландско-фламандской или нидерландской в широком смысле этого слова территории возник один стандартный язык, имеющий нижненемецкую субстанцию и структуру и представленный двумя очень близкими вариантами — голландским в Голландии и фламандским в Бельгии. В Южноафриканской республике развился на основе голландских диалектов нижненемецкой диасистемы отдельный стандартный язык — бурский (*Afrikaans*), пока еще недостаточно индивидуализированный, но с тенденцией к все большей самостоятельности. В Германии нижненемецкие диалекты подвержены влиянию (верхне)немецкого стандартного языка; в Бельгии и Южной Африке стандартный язык на нижненемецкой основе входит в специфические отношения со стандартным французским, *gesp.* английским языком. В Голландии, наряду с нидерландским стандартным языком на основе нижненемецкой диасистемы, существует самостоятельная западногерманская диасистема в ранге языка — фризский язык, который находится на полпути к образованию стандартного языка. Меньшая часть территории распространения фризской диасистемы находится в Германии, где она подвержена влиянию немецкого стандартного языка. На уровне германской семьи языков (или ее западной ветви) фризская, верхненемецкая и нижненемецкая диасистемы представляют собой равноправные единицы, а с позиции теории стандартных языков отношение (верхне)немецкого стандартного языка к нижненемецким диалектам близко отношению голландского нижненемецкого стандартного языка к фризским диалектам.

Уже отдельные иллюстрации показывают, что схемы не могут охватить все явления и отношения и что всякая реально существующая комбинация явлений могла бы иметь свое терминологическое оформление. Тем не менее имеются признаки, на основе которых можно устанавливать критерии выделения явлений и их отношений. Так, стандартный язык как категория отличается от языка вообще, т. е. от языка как диасистемы; эти две категории не всегда реализуются на одинаковом иерархическом уровне.

Хотя стандартные языки нельзя считать удачным объектом для сравнительного изучения языковых семей и языковых союзов, все же существует определенная взаимозависимость между стандартными языками и

диасистемами. По сути дела каждый стандартный язык представляет собой своего рода языковой союз с территориальными говорами, входящими в область его распространения, независимо от того, относятся ли эти говоры к той же диасистеме, что и стандартный язык, или нет. При этом внутри такого своеобразного «языкового союза» наблюдаются, в общем, все процессы и явления, описанные в работах У. Вайнрайха о языковых контактах <sup>34</sup>.

Релевантны только диасистемы, но на современном уровне науки диасистемы практически остаются лишь понятиями, не дающими материальных фактов для конкретных операций. Поэтому на практике можно использовать стандартные языки в качестве заменителей диасистем, исследуя и семьи, и союзы языков, производя классификацию языков и т. п.

3.1. Если между стандартными языками и диасистемами существует взаимная зависимость, можно ли при сравнительном изучении стандартных языков ограничиться их рассмотрением в качестве заместителей диасистем? Видимо, нет. С одной стороны, было бы полезно классифицировать стандартные языки отдельных языковых семей и притом классифицировать их именно в качестве стандартных языков. Полученная классификация будет отличаться, естественно, от любой классификации конкретной языковой семьи, построенной на основе генетических и типологических критериев. Такая классификация будет очень полезна. Она не должна рассматриваться в качестве дополнительной к классификации внутри семьи языков, так как категория «стандартности» принципиально отлична от любой особенности языковой субстанции и структуры. Но при изучении результатов постоянного влияния стандартных языков на диасистемы следует обращаться к обеим классификациям, так как их сопоставление способно обнаружить некоторые детали, которые при обычном сравнении стандартных языков выпадают из поля зрения. И еще одно: классификация стандартных языков отдельных семей должна иметь большое значение не только с точки зрения сравнительно-исторического изучения семей языков, но она важна и сама по себе для теории стандартных языков. Теория стандартных языков — автономная лингвистическая дисциплина, которой повсюду, кроме Чехии <sup>35</sup>, уделяется по сравнению с другими лингвистическими дисциплинами мало внимания.

Если целью классификации отдельных стандартных языков, субстанция и структура которых родственны, т. е. образуют языковую семью, должна быть классификация их «стандартности», которая не может устанавливаться на основе генетических или типологических критериев, то критерии классификации по стандартности должны выявлять, измерять и оценивать нормированность стандартного языка, его функции как орудия высшей цивилизации, отношение к национальным и культурным комплексам, способ формирования, характер основы, на которой создан стандартный язык (но не субстанции или структуры), наконец, систему его графики и орфографии. Ввиду того, что стандартный язык характеризуется в отношении к своей основе также субстанционально, на базе лек-

<sup>34</sup> U. Weinreich, *Languages in contact*, New York, 1953.

<sup>35</sup> Прежде всего я имею в виду труды акад. Б. Гавранка. Близкая концепция изложена в труде акад. В. В. Виноградова (см. примеч. 12) и в работах Н. И. Толостого: «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян», ВЯ, 1961, 1, стр. 61—65; его же, Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности, сб. «Исторические связи славянских народов», М., 1963, стр. 27—38 («Краткие сообщ. Ин-та славяноведения», 39); его же, О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к славянскому литературному языку, сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965, стр. 260—266.

стики, относящейся к цивилизационной надстройке, стандартные языки могли бы классифицироваться и по этому критерию.

В славянской семье языков по этому последнему критерию можно наметить следующие группировки: 1) чешский, словацкий, словенский, болгарский язык и хорватский вариант хорваткосербского языка (*vlak*); 2) македонский язык и сербский вариант хорваткосербского языка (*voz*); 3) лужицко-сербский — верхнелужицкий (*ěah*) и нижнелужицкий (*šěg*); 4) польский (*rosiag*) и украинский (*notja*); 5) русский (*noezd*); 6) белорусский (*чыгунка*). Или: 1) чешский и словацкий (*divadlo*), верхнелужицкий (*dźiwadło*) и нижнелужицкий (*žiwadło*); 2) словенский (*gledališče*); 3) хорватский вариант (*kazalište*); 4) сербский вариант (*pozorište*); 5) остальные славянские языки с разными формами европеизма (*meamp*)<sup>36</sup>. Такая классификация неплохо характеризует реальное положение, однако следует все же отдать предпочтение классификации по признакам «стандартности»: во-первых, выбор материала для классификации может быть субъективным, и, во-вторых, результаты такой классификации в рамках одной семьи языков трудно сравнивать с результатами подобной классификации, проведенной для других семей.

Иными словами, набор критериев для классификации по «стандартности» должен быть без изменения формулировок применен к любой языковой семье, т. е. иметь вполне абстрактный феноменологический характер. Продемонстрируем конкретно характер и типы «стандартности» всех славянских языков (оставляем в стороне критерии, относящиеся к графике и орфографии, хотя такое сокращение нарушает полноту картины)<sup>37</sup>.

3.2. Классификация по принципу «стандартности» современных языков, обладающих славянской субстанцией и структурой, может быть построена по следующим критериям:

I. Основные черты стандартности — автономия и гибкая стабильность взаимосвязаны: стандартные языки с высокой степенью автономии, т. е. с малыми возможностями для сознательной перестройки, оказываются одновременно более устойчивыми. Возникшие не в результате сознательного акта, а постепенно формировавшиеся стандартные языки и после своего становления мало поддавались реформам. В таких стандартных языках субстанция и структура основы выкристаллизовалась, как правило, в результате длительных процессов, происходивших до приобретения стандартности в рамках различных типов и видов письменного языка с конвергентным направлением развития.

Такие стандартные языки обладают яркими чертами «искусственности» и слабыми чертами «органичности» из-за значительной степени автономности по отношению к органическим идиомам.

II. Во всяком стандартном языке с достаточно обширной территорией распространения существуют зоны, выделяющиеся на основании употребления одного из двух противопоставленных дублетов, обычно фонетических (см. 2.3.3). В одних славянских стандартных языках это явление выражено довольно ярко (пражско-моравская, варшавско-краковская, киевско-львовская зоны и т. п.), в других слабее, но все эти противопо-

<sup>36</sup> В обеих группах выступают варианты хорваткосербского языка в соответствии с положением [б] определения вариантов (2.3.3).

<sup>37</sup> Принципы такой классификации были изложены в статье: D. Brozović, O jezičnoj porodici i standardnim oblicima njezinih članova, «Radovi Filozofskog fakulteta», V, Zadar, 1963—1964. Первый опыт классификации на основе пяти критериев я предложил в докладе к Софийскому съезду славистов, второй на основе восьми критериев в статье: D. Brozović, Vuk i novoštokavska folklorna Koine (prilog tipologiji slavenskih standardnih jezika), «Slavia», XXXIV, 1, 1965.

ставления и по своему числу и по характеру в общем незначительны в сравнении с вариантами хорватскосербского стандартного языка, которые от них существенно отличаются. В этом отношении хорватскосербский язык противопоставляется всем остальным. Но два его варианта не одинаковы: в сербском варианте наличествуют экавская и иекавская зоны, которые из-за различных отношений к хорватскому варианту и к традиции — значительно более сложное явление, чем подобные зоны в некоторых иных славянских стандартных языках<sup>38</sup>.

III. Некоторые стандартные языки сосуществуют и функционируют наряду со своим субстандартным видом, который стремится или стать общенациональным конкурентом стандартного языка, находясь с ним в паразитическом симбиозе, или занять промежуточное место между стандартным языком и региональными разговорными языками, интердиалектами и т. п. В таких стандартных языках, например в чешском, нет непосредственного перехода от конкретного неорганического идиома к низшим, неконкретным, неорганическим идиомам (см. 1.2.4); между этими идиомами в качестве посредника возникает субстандарт (*obecná čeština* — разговорный язык, *Umgangssprache*). Субстандартный язык имеет обычно в общем ту же субстанцию, что и соответствующий стандартный, но без архаических элементов.

IV. Стандартные языки обычно развиваются в результате постепенной эволюции, но в истории некоторых стандартных языков известны случаи перерыва в развитии, после которого стандартный язык возрождался вновь и обновлялся (словенский, в значительной мере чешский); другого характера — перерыв в развитии, ведущий к значительным неэволюционным изменениям в субстанции (хорватский вариант на рубеже XIX и XX вв.<sup>39</sup>). Для данного критерия важен момент идентичности или неидентичности субстанции и структуры на разных этапах развития. Это означает, что можно оперировать языком письменности, если он удовлетворяет названному требованию. В этом смысле периодом формирования языкового стандарта можно считать эпоху Возрождения (*odrodenia*) для польского, Пушкина для русского, Вука Караджича для сербского, хорватского национального Возрождения (так называемый «Иллиризм») для хорватского, Штура для словацкого, Коласа и Купалы для белорусского, югославской революции для македонского языка и т. д. С меньшим правом для словенского языка можно принять эпоху Трубара<sup>40</sup>; во всяком случае это будет правильнее, чем обращение к эпохе Прешерна. С другой стороны, очевидно, что такие явления, как словацкая бернолактинна, разные региональные письменные языки, церковные языки, старобелорусский письменный язык и т. п., не относятся к истории стандартного языка

<sup>38</sup> В прошлом в некоторых славянских стандартных (или еще только «письменных») языках наблюдалось явление поляризации (религиозной, социальной, территориальной), которая, однако, никогда не была там столь значительной, как в истории хорватскосербского (т. е. хорватского и сербского) языка. Я умышленно оставляю в стороне такие явления, как современный письменный язык градишанских (бургенландских) хорватов в Австрии или так называемых «русинов» в Воеводине — они не влияют на характер стандартных языков, имеющих с ними общую диасистему. Это относится также в общем и к периферийным локальным письменным «языкам», значение которых в той или иной степени эфемерно.

<sup>39</sup> См.: L. j. J o n k e, *Ideološki osnovi zagrebačke filološke škole 19. stoljeća*, «Filologija», 1, Zagreb, 1957; e r o ж e, *Osnovni problemi hrvatskoga književnog jezika u 19. stoljeću*, в кн.: L. j. J o n k e, *Književni jezik u teoriji i praksi*, Zagreb, 1965, стр. 9—25.

<sup>40</sup> Убедительный пересмотр существующих концепций предложил Я. Риглер. См.: J. R i g l e r, *Osnove Trubarjevega jezika*, «Jezik in slovstvo», X, 6—7, Ljubljana, 1965.

в указанном смысле, а принадлежат к его предыстории<sup>41</sup>. Исключением в известной мере является только штокавский письменный язык хорватской литературы до эпохи национального возрождения, так как он имел не вполне региональный характер и его языковая субстанция была к хорватскому варианту второй половины XIX в. ближе, чем это обычно принято думать.

V. Субстанция и структура стандартного языка могут быть гомогенными — например, московская, пражская, среднесловацкая основа русского, чешского, словацкого языка, а могут представлять собой и контаминацию различных элементов — например, малопольский и великопольский компоненты в польском, восточноболгарский и софийский в болгарском и т. п. Хорватский и сербский варианты хорватско-сербского стандартного языка также имеют частично разную диалектную основу.

VI. Материальная основа стандартного языка была в некоторых славянских языках в предстандартный период их развития под стилистическим влиянием фольклорной литературы. Эта стилизация на первоначальном этапе содействовала становлению норм и одновременно препятствовала приспособлению языковой материи для функции стандартного языка в качестве поливалентного орудия современной цивилизации, которая имеет преимущественно урбанистический характер. Фольклорные интердиалекты были известны южнославянским и восточнославянским языкам; не все они сыграли значительную роль в формировании стандарта. Такое положение наблюдалось в хорватско-сербском языке (новоштокавское фольклорное койне), в македонском и украинском. В болгарском языке также были определенные условия для использования языка фольклора, но формирование стандарта шло другими путями. В известной мере это можно сказать и о русском и белорусском языках.

VII. Подобную роль сыграл в других славянских языках так называемый культурный (интер)диалект, который там выступал в качестве базы при становлении стандартного языка или письменного языка как предшественника стандартного. Культурный интердиалект сыграл решающую роль при формировании чешского и польского стандартных языков; подобные явления наблюдались и в других западнославянских языках<sup>42</sup>, они были в незначительной мере свойственны и отдельным южно- и восточнославянским языкам, но здесь они не были существенны для формирования стандарта. Русский культурный диалект имел свои особенности сравнительно с польским и чешским. В целом можно сказать, что разные формы койне (фольклорные или культурные интердиалекты) появляются закономерно на определенной ступени языкового развития, но их конкретная судьба очень неоднородна.

VIII. Большинство славянских языков выполняет все поливалентные функции общенационального языкового орудия интернациональной цивилизации. Некоторые функции двух сербо-лужицких языков выпол-

<sup>41</sup> Историю стандартного языка следует начинать с того момента, когда он начинает охватывать в основном всю территорию и когда стабилизируются его субстанция и структура. С другой стороны, очевидно, что существует связь между перерывом в развитии стандартного языка и возникновением субстандарта, но эти два явления все же не взаимообусловлены, т. е. не следует полагать, что при непрерывном развитии не может появиться субстандарт или что перерыв обязательно требует его появления.

<sup>42</sup> Среднесловацкий культурный диалект находился в зачаточном состоянии. См.: E. P a u l i n y, Kultúrnohistorické podmienky a spoločenské funkcie bilingvizmu v dejinách spisovnej slovenčiny, сб. «Československé prednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958, стр. 44—45; R. K r a j č o v i č, K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny, «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica», XIV, Bratislava, 1962.

няет стандартный немецкий язык. В многонациональных славянских государственных объединениях ряд общих дел ведется на одном языке, т. е. на чешском, хорваткосербском (практически обычно принимается сербский вариант) и русском, но этот факт не может серьезно препятствовать нормальному функционированию словацкого, словенского и македонского языка в национальном масштабе. Положение с белорусским и украинским языком несколько иное, особенно с белорусским, для которого характерна ситуация, средняя между той, в которой находятся сербо-лужицкие языки, и той, в которой находятся остальные славянские языки. С другой стороны, русский стандартный язык, единственный среди всех славянских языков, обладает функцией интернационального, мирового языка, но этот факт трудно использовать для классификации «стандартности», потому что он почти не влияет на характер структуры и субстанции русского стандартного языка. Кроме того, в этом случае один язык противопоставляется всем остальным.

IX. Чаще всего один стандартный язык обслуживает одну нацию и, соответственно, одна нация пользуется одним стандартным языком; оба эти правила верны и для большинства славянских языков, однако все же есть два исключения: лужицкие сербы пользуются двумя стандартными языками — нижнелужицким и верхнелужицким (и, кроме того, немецким), а хорваткосербский язык обслуживает две нации — сербов и хорватов. В какой-то мере сербский вариант можно было бы считать исключением: в то время как хорватским вариантом пользуются исключительно хорваты, сербский обслуживает и сербов и черногорцев, причем не в полностью идентичном виде (см. II). В данном случае этот факт можно не принимать во внимание, поскольку черногорцы не могут считаться вполне сформировавшейся нацией; правильнее было бы рассматривать черногорцев как специфическое образование в рамках сербской нации, особенно ярко выразившееся в культурной, литературной и языковой сферах.

X. Большинство славянских литературных языков содержат в своей субстанциональной основе главным образом собственные элементы, однако два языка в этом отношении заметно отступают от среднего показателя: их основа содержит субстанциональные элементы чуждой по отношению к данной диасистеме славянской структуры. В русском языке это церковнославянские элементы<sup>43</sup>, в болгарском — русские (которые иногда по происхождению в свою очередь являются церковнославянизмами).

XI. При формировании своей субстанциональной и структурной основы, которая могла бы обеспечить функции стандартного языка, все славянские языки пополняли ее субстанциональными (и реже структурными) элементами из более развитых славянских стандартных языков, в первую очередь русского, польского и чешского<sup>44</sup>; в известной мере и эти три языка использовали элементы друг друга. Некоторые славянские языки в процессе своего усовершенствования в значительной степени оснастили свою субстанцию инославянскими элементами, например, украинский и белорусский — русскими и польскими, лужицкие — преимущественно чешскими, македонский — сербскими, болгарскими и русскими элементами, болгарский — русскими; другие же славянские языки умеренно пользовались инославянскими элементами (русский, польский, хорватско-сербский, а также чешский); диалектная основа некоторых языков

<sup>43</sup> Церковнославянские элементы сохранились и в других славянских стандартных языках, однако число их не столь значительно (например, в хорваткосербском языке, особенно в сербском варианте); в других случаях они появились как русизмы.

<sup>44</sup> Для македонского такую роль играл хорваткосербский, который влиял в известной мере и на словенский, а болгарский на македонский, хотя ни хорваткосербский, ни болгарский не подготовлены для такой роли.

позволяла легко их ассимилировать (словацкий язык — чешские); в других случаях иноязычные элементы воспринимались равномерно из разных источников и легко ассимилировались (чешские, русские и хорватские в словенском). Таким образом, одни языки служат преимущественно источниками заимствований, а другие преимущественно заимствуют, за исключением болгарского, который и заимствует, и служит источником, а также словацкого, из которого не заимствуют другие языки и который сам не принимает иноязычных элементов в том смысле, в каком это характерно для других языков-реципиентов.

XII. Усовершенствование большей части славянских стандартных языков происходило под влиянием какого-либо иного славянского стандартного языка, служившего им в известной мере моделью и главным источником обогащения субстанции; с таким языком устанавливались более узкие и более частые контакты, чем с любым другим языком; с этого языка больше всего переводили. Другими словами, между отдельными парами славянских стандартных языков устанавливалось своеобразное и преимущественно одностороннее отношение, при котором один член развивался под влиянием другого, в его «сфере влияния». Лужицкие языки, с этой точки зрения, представляют исключение — там эту роль выполняет немецкий стандартный язык, а для нижнелужицкого — также и верхнелужицкий (в некоторой мере для верхнелужицкого эту функцию выполняет чешский язык, хотя и в ином плане).

Последние три особенности (X—XII) славянских стандартных языков частично сходны, но все же отчетливо различаются: особенность (X) относится к иноязычным элементам диалектной основы, остальные две — к иноязычным элементам, вошедшим в субстанцию стандартного языка вторично; особенности (XI) и (XII) отличаются друг от друга тем, что инославянские субстанциональные элементы проникают в первом случае из-за недостатков самой основы и потому часто вносятся сознательно, как правило из разных источников, а во втором случае иноязычные элементы заимствуются по экстралингвистическим причинам и из одного источника.

XIII. Славянские стандартные языки весьма заметно различаются по их терпимости к калькированию европеизмов; в этом отношении различаются и варианты хорватско-сербского языка. Здесь имеются в виду только искусственные кальки, т. е. те, которые являются результатом сознательных требований, например пуризма, планомерного обогащения терминологии и под., а не возникают спонтанно (такие кальки распространены, например, в русском языке). Не принимаются во внимание и кальки, которые в готовом виде заимствуются из одного славянского языка в другой (X—XII).

XIV. С предыдущей особенностью связано и отношение к пуризму, который в отдельных славянских стандартных языках представлен различными типами. Для пуризма существенна априорная посылка о желательном и нежелательном, агрессивная некритичность в стремлении достичь определенного идеала языка и пренебрежение стилистическими и функциональными критериями в использовании отдельных элементов субстанции. Различные виды пуризма различаются трактовкой того, что в языке является желательным и что нежелательным. Воинствующий антипуризм тоже по существу является своеобразным пуризмом, так как он действует теми же методами и направлен даже против тех результатов пуристической деятельности, которые уже закрепились в стандартном языке и функционально и психологически слились с органическими элементами основы<sup>45</sup>; ему обычно не удается утвердиться и он остается лишь тен-

<sup>45</sup> У словенцев наблюдалось два типа антипуризма: первый направлен против заимствований из славянских языков тех элементов и слов, которые возникли как

денцией. С другой стороны, деятельность Вука Караджича и его последователей также носила пуристический характер, сколь бы их представления о желательном и нежелательном ни отличались от «нормального» пуризма, который был распространен главным образом в Хорватии (так называемая Загребская школа). Наконец, существует пуризм, направленный против чрезмерного влияния какого-либо славянского языка (XII). Таким образом, каждый стандартный язык характеризуется каким-либо видом пуризма, и для классификации славянских стандартных языков по их отношению к пуризму и его последствиям, отражающимся на общем облике и функционировании отдельных языков, избирается тот тип пуризма, который устраняет неславянские субстанциональные элементы и заменяет их диалектизмами, славянизмами, планомерно вводимыми новообразованиями и кальками, причем главная цель, которая при этом преследуется, — использовать материал непременно славянский, независимо от его органичности или неорганичности по отношению к структуре данного языка и независимо от его функциональных свойств.

XV. Облик всякого стандартного языка в известной мере зависит от характера цивилизации, которую он обслуживает. Неконкретный, обобщенный характер рассматриваемых здесь признаков не позволяет распределить языки по конкретным типам цивилизации, т. е. отнести их к средневропейскому (западноевропейскому), восточноевропейскому или ориентально-балканскому («левантскому») типу. Если первый тип обозначить через А, второй через В и третий через С, то, например, русский, украинский и белорусский языки можно было бы определить формулой В(А), болгарский и македонский — ВС(А), хорватско-сербский — АВС, причем хорватский вариант — А(С), а сербский — ВС(А). Все же предпочтительнее делить славянские стандартные языки по признаку гомогенности (геср. негомогенности) соответствующей цивилизации.

Для характеристики славянских стандартных языков могли бы быть релевантны и некоторые другие признаки, однако они не удовлетворяли бы принятому условию, по которому критерии классификации по типу стандартности должны быть применимы без изменения формулировки к любой группе стандартных языков с генетически родственной субстанцией и структурой, т. е. с диасистемами, принадлежащими одной языковой семье (см. 3.1), — так, чтобы достаточно было подставить вместо «славянский» — «романский», «германский» и т. д. Для установления этих конкретных особенностей следовало бы ответить, например, на следующие вопросы: оказывали ли латинские (вернее: латинско-древнегреческие) или церковнославянские (вернее: славяно-византийские) элементы или и те и другие вместе влияние на древний абстрактный лексико-семантический слой субстанции стандартного языка (прежде всего синтаксиса, лексики, словообразования и семантики); воздействовали ли в более позднюю эпоху на этот слой западноевропейские элементы — непосредственно или через немецкий или другой более развитой (оптимально стандартный) славянский язык (и какой: русский, польский или чешский, или даже хорватско-сербский, хотя последний нельзя считать подходящим для этой цели); имеет ли язык собственные средства для обслуживания различных сфер городской материальной и духовной культуры или он заимствует их из какого-нибудь более развитого славянского или неславянского источника (и какого: немецкого или восточного) и т. д. Содержание всех этих вопросов включено, хотя и не полностью, в список дифференциальных

результат пуризма (в этих случаях обычно предпочтение отдается даже народно-диалектным германизмам); второй — против искусственных, созданных на базе своего языка замен интернационализмов и европеизмов.



признаков (I—XV), однако ему придан абстрактный и категориальный характер.

3.3.1. Рассмотренные здесь признаки могут быть сведены к следующим бинарным противопоставлениям, могущим служить критериями классификации по типу стандартности:

#### **А. Способ формирования и функционирования стандартных языков**

(1) Языки с высокой степенью автономности и гибкой стабильности ∞ языки с низкой степенью автономности и гибкой стабильности.

(2) Языки с сосуществующими дублетами в пределах нормы ∞ языки с поляризованными дублетами в пределах нормы.

(3) Языки с непосредственным переходом от стандартной формы к (интер)диалектам ∞ языки с субстандартом как посредником.

(4) Языки с непрерывным развитием от эпохи формирования современной субстанции и структуры ∞ языки с не непрерывным развитием, с некоторым обновлением исходной субстанции и структуры.

#### **В. Характер диалектной основы стандартного языка и его отношение к нации**

(5) Языки с гомогенной исконной диалектной основой ∞ языки с не-гомогенной основой.

(6) Языки с непосредственно нормированной диалектной основой ∞ языки, основа которых предварительно подверглась фольклорной стилизации.

(7) Языки с так называемым культурным (интер)диалектом в качестве основы ∞ языки без выраженных явлений такого рода.

(8) Языки с полными поливалентными функциями стандартного языка ∞ языки с неполными функциями.

(9) Языки, соответствующие формуле «1 стандартный язык — 1 нация» ∞ языки, для которых эта формула недействительна.

#### **С. Отношение к другим стандартным языкам**

(10) Языки с собственной диалектной основой стандартности ∞ языки, в основе которых присутствуют иноязычные элементы той же языковой семьи.

(11) Языки, создавшие стандартную форму на основе преимущественно собственных субстанциональных элементов ∞ языки, которые при формировании стандартной формы в большей мере заимствовали субстанциональные элементы из языков той же языковой семьи.

(12) Языки, в целом свободные от влияния более крупных и развитых стандартных языков той же семьи ∞ языки, испытавшие влияние определенного родственного языка.

(13) Языки, в которых норма ограничивает возможности неспонтанного калькирования ∞ языки, терпимые к такому калькированию.

(14) Языки, свободные от сильных пуристических тенденций ∞ языки, пережившие пуристическую фазу.

(15) Языки, отражающие и обслуживающие гомогенную цивилизацию ∞ языки, отражающие и обслуживающие гетерогенную цивилизацию.

3.3.2. Изложенные критерии, примененные к славянским стандартным языкам и к вариантам хорватско-сербского языка, можно представить в

таблице, где языки, соответствующие левой части формулировки, получают знак (+), а удовлетворяющие правой части — знак (—), если же ответ биполярен — знак ( $\pm$ ). Поскольку хорватский и сербский варианты могут быть приравнены к стандартным языкам только в функциональном смысле, а по прочим критериям не могут, то на таблице эти варианты заключены в скобки.

Знаки ( $+/ \pm / -$ ), употребляемые в табл. 1, имеют, конечно, технический смысл, однако в значительной мере они могут быть приняты и как элементы оценки с двумя, однако, существенными оговорками: понятно, что не все 15 критериев имеют одинаковый вес при оценке стандартности; очевидно также, что отдельный знак (+) или (—) в весьма различной степени отражает реальное положение — в одном случае он дает безусловный ответ, в другом приближается к знаку ( $\pm$ )<sup>46</sup>. Однако все же представляется возможным дать приблизительную оценку отдельным стандартным языкам как национальным языковым инструментам интернациональной цивилизации. Если знаку (+) приписать значимость 2, а знаку ( $\pm$ ) значимость 1, то получим следующие показатели: русский и польский — 27, чешский — 23, словацкий (и сербский вариант) — 21, белорусский (и хорватский вариант) — 20, македонский и болгарский — 18, украинский и нижнелужицкий — 17, словенский и верхнелужицкий — 15 и хорватско-сербский — 14. Очевидно, что полученная последовательность показателя, хотя и с названными оговорками. С другой стороны, полезно посмотреть, как изменится этот порядок по группам критериев А, В и С (см. 3.3.1). В соответствии с критериями А последовательность языков выглядит так: русский, польский и нижнелужицкий — 8, верхнелужицкий — 7, белорусский, украинский, словацкий, македонский и болгарский — 6, чешский и оба варианта хорватско-сербского стандартного языка — 5, словенский — 4 и хорватско-сербский в целом — 3. В соответствии с критериями В: русский и чешский — 10, польский и словацкий — 8, белорусский — 7, словенский, македонский, болгарский и оба варианта хорватско-сербского языка — 6, украинский и оба лужицких — 4, хорватско-сербский — 3. И, наконец, в соответствии с критериями С: польский — 11, сербский вариант — 10, русский и хорватский вариант — 9, чешский и хорватско-сербский — 8, белорусский, украинский и словацкий — 7, македонский и болгарский — 6, нижнелужицкий и словенский — 5 и верхнелужицкий — 4.

Приведенные списки отражают качественные отношения отдельных языков лишь в весьма ограниченной мере, однако они достаточно хорошо выявляют, какая из групп критериев является особенно показательной для отдельно взятого языка. С большим успехом могут быть использованы суммарные показатели по вертикальным линиям, дающие среднюю оценку стандартности языков по отдельным критериям. Здесь следует оперировать двумя сериями цифр: учитывающих показатели хорватско-сербского языка без вариантов и с вариантами и не учитывающих данные хорватско-сербского языка в целом (приведенные в скобках). Самый высокий показатель славянские языки получают по второму критерию: 22(25), самый низкий — по седьмому критерию: 6(6).

3.3.3. Табл. 1 отражает различия между славянскими стандартными языками в зависимости от типа их стандартности. Если выразить эти различия цифрами, приписав различию (+): (—) значимость 2, а различию

<sup>46</sup> Естественно, в некоторых конкретных случаях трудно определить положение на основе бинарного принципа. Так, например, современным лужицко-сербским языкам для критериев 1 и 4 можно приписать знак ( $\pm$ ), а верхнелужицкому еще в недавнее время этот же знак можно было поставить для критерия 2 и т. п.

Таблица 1

Стандартный язык	Номер критерия														
	А				В					С					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Русский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	±
Белорусский	—	+	+	+	+	+	—	±	+	+	—	—	+	+	±
Украинский	—	+	+	+	—	—	—	+	+	+	—	—	+	+	±
Польский	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+	±	+
Нижнелужицкий	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	—	—	±	—	+
Верхнелужицкий	+	+	±	+	+	+	—	—	—	+	—	—	—	—	+
Чешский	+	+	—	±	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	+
Словацкий	—	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	—	±	—	+
Словенский	+	+	—	—	—	+	—	+	+	+	±	—	—	—	+
Хорватский вариант	(—)	(+)	(+)	(±)	(+)	(—)	(—)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(±)	(±)	(±)
Хорватско-сербский	—	—	+	±	±	—	—	+	—	+	+	+	±	±	—
Сербский вариант	(—)	(±)	(+)	(+)	(+)	(—)	(—)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(—)
Македонский	—	+	+	+	+	—	—	+	+	+	—	—	+	+	—
Болгарский	—	+	+	+	—	+	—	+	+	—	—	+	+	+	—

Таблица 2\*

—	рус.	блр.	укр.	пол.	н.-л.	в.-л.	чеш.	слц.	слв.	(хрв.)	х.-с.	(срб.)	мак.	блг.
рус.	×	11	14	6	16	18	10	12	18	(11)	17	(10)	13	9
блр.	11	×	5	13	9	11	17	7	15	(10)	16	(9)	4	8
укр.	14	5	×	12	14	16	20	10	14	(9)	13	(8)	3	7
пол.	6	13	12	×	14	16	8	10	12	(11)	15	(12)	15	11
н.-л.	16	9	14	14	×	2	14	8	12	(15)	17	(18)	13	17
в.-л.	18	11	16	16	2	×	12	10	10	(17)	19	(20)	15	19
чеш.	10	17	20	8	14	12	×	10	8	(11)	17	(16)	19	19
слц.	12	7	10	10	8	10	10	×	10	(7)	13	(10)	9	13
слв.	18	15	14	12	12	10	8	10	×	(15)	19	(20)	17	17
(хрв.)	(11)	(10)	(9)	(11)	(15)	(17)	(11)	(7)	(15)	(×)	(6)	(5)	(8)	(12)
х.-с.	17	16	13	15	17	19	17	13	19	(6)	×	(7)	12	14
(срб.)	(10)	(9)	(8)	(12)	(18)	(20)	(16)	(10)	(20)	(5)	(7)	(×)	(5)	(9)
мак.	13	4	3	15	13	15	19	9	17	(8)	12	(5)	×	8
блг.	9	8	7	11	17	19	19	13	17	(12)	14	(9)	8	×
Σ I	144	116	128	132	136	148	154	112	152	φ	172	φ	128	142
Σ II	(148)	119	132	140	152	166	164	116	168	131	φ	142	129	149)

\* В табл. 2—4 приняты следующие сокращения названий языков: рус. — русский, блр. — белорусский, укр. — украинский, пол. — польский, н.-л. — нижнелужицкий, в.-л. — верхнелужицкий, чеш. — чешский, слц. — словацкий, слв. — словенский, хрв. — хорватский, х.-с. — хорватско-сербский, срб. — сербский, мак. — македонский, блг. — болгарский.

$(+):(\pm)$  или  $(\pm):(-)$  значимость 1, то получим картину, представленную в табл. 2.

В таблице приведены суммарные показатели отличия отдельных славянских языков от всех остальных славянских стандартных языков ( $\Sigma I$ ), а также от остальных языков, исключая хорватскосербский, который представлен отдельными данными по его хорватскому и сербскому вариантам ( $\Sigma II$ ). Таким образом получаем два новых списка, демонстрирующих, в какой мере отдельный славянский стандартный язык (соответственно варианты хорватскосербского языка) отходят от среднего типа стандартного языка, сформированного на основании диасистемы, принадлежащей славянской языковой семье:

В соответствии с $\Sigma I$		В соответствии с $\Sigma II$	
1. словацк.	112	1. словацк.	116
2. белорусск.	116	2. белорусск.	119
3/4. макед./укр.	128	3. макед.	129
5. польск.	132	4. (хорв.)	131
6. н.-луж.	136	5. укр.	132
7. болг.	142	6. польск.	140
8. русск.	144	7. (серб.)	142
9. в.-луж.	148	8. русск.	148
10. словен.	152	9. болг.	149
11. чеш.	154	10. н.-луж.	152
12. хорв.-серб.	172	11. чеш.	164
		12. в.-луж.	166
		13. словен.	168

Полученные списки заметно различаются в зависимости от того, какое место отводится хорватскому и сербскому вариантам в составе славянских стандартных языков, взятых как типологическое целое (см. 3.4.2). С другой стороны, заслуживает внимания тот факт, что менее всего отличаются от остальных стандартных языков молодые славянские стандартные языки — словацкий, белорусский и македонский, тогда как языки, которые, при всех оговорках, были признаны оптимально стандартными (см. 3.3.2) (русский, польский и чешский), занимают в списке среднее положение или даже тяготеют к его концу. Несомненно, что этот факт дает славянским стандартным языкам в целом низкую оценку.

3.4.1. Числовые показатели, приведенные в табл. 2, можно представить и таким образом, чтобы продемонстрировать степень близости каждого славянского языка к каждому другому славянскому языку (см. табл. 3); римские цифры (I—XI) обозначают степень типологической близости языков с точки зрения стандартности.

Ту же процедуру можно применить и к славянским языкам, среди которых хорватскосербский язык не будет фигурировать как целое, а лишь в двух своих вариантах (см. табл. 4); степень близости будет тогда передаваться цифрами I—XII.

В обеих таблицах имеются и арабские цифры, которыми условно оценивается расстояние между языками, занимающими разные места в последовательности. Если некоторый стандартный язык незначительно отступает от среднего типа стандартности большинства языков, то он помещается в таблице на более близкие места. Если условно оценить каждое место в 2 единицы, считая слева (т. е. V место = 10), то суммарный показатель отношения некоторого языка ко всем остальным языкам будет тем меньше, чем данный язык более подобен остальным языкам в отношении стандартности. Если два языка имеют один и тот же показатель отличия от некоторого третьего языка (например, словенский и верхнелужицкий от русского — 18, и потому они разделяют X и XI место), то число, которым оценивается место языка, будет равно среднему арифметическому (в нашем при-

Таблица 3

	I			II		III		IV		V		VI		VII		VIII		IX		X		XI	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	
рус.	пол. 6			блг. 9		чеш. 10		блр. 11		слц. 12		мак. 13		укр. 14		н.-л. 16		х.-с. 17		в.-л./слв. 18			
блр.	мак. 4			укр. 5		слц. 7		блг. 8		н.-л. 9		рус./в.-л. 11		пол. 13		слв. 15		х.-с. 16		чеш. 17			
укр.	мак. 3			блр. 5		блг. 7		слц. 10		пол. 12		х.-с. 13		рус./н.-л./слв. 14			в.-л. 16		чеш. 17				
пол.	рус. 6			чеш. 8		слц. 10		блг. 11		слц./укр. 12		блр. 13		н.-л. 14		мак./н.-с. 15			в.-л. 16				
н.-л.	в.-л. 2			слц. 8		блр. 9		слв. 12		мак. 13		пол./чеш./укр. 14			рус. 16		х.-с./блг. 17						
в.-л.	н.-л. 2			слц./слв. 10			блр. 11		чеш. 12		мак. 15		пол./укр. 16			рус. 18		х.-с./блг. 19					
чеш.	пол./слв. 8			слц./рус. 10			в.-л. 12		н.-л. 14		блр./х.-с. 17			мак./блг. 19			укр. 20						
слц.	блр. 7			н.-л. 8		мак. 9		чеш./пол./в.-л./слв./укр. 10						рус. 12		х.-с./блг. 13							
слв.	чеш. 8			в.-л./слц. 10			н.-л./пол. 12			укр. 14		блр. 15		мак./блг. 17			рус. 18		х.-с. 19				
х.-с.	мак. 12			слц./укр. 13			блг. 14		пол. 15		блр. 16		рус./чеш./н.-л. 17			слв./в.-л. 19							
мак.	укр. 3			блр. 4		блг. 8		слц. 9		х.-с. 12		рус./н.-л. 13		пол./в.-л. 15			слв. 17		чеш. 19				
блг.	укр. 7			мак./блр. 8			рус. 9		пол. 11		слц. 13		х.-с. 14		слв./н.-л. 17			в.-л./чеш. 19					

мере  $\frac{20+22}{2} = 21$ ). Аналогично решается вопрос и в случаях, когда три или более языков занимают одно и то же место. Таким образом, арабские цифры автоматически показывают число единиц, приписываемых языкам. Снова получаем два списка:

По табл. 3		По табл. 4	
1. словацк.	76	1. словацк.	104
2. белорусск.	92	2. белорусск.	111
3. макед.	106	3. макед.	126
4. укр.	113	4/5. укр./хорв.)	134
5. польск.	118	6. польск.	153
6. н.-луж.	131	7. (серб.)	159
7. болг.	139	8. болг.	171
8. русск.	149	9. н.-луж.	175
9. чеш.	151	10. чеш.	178
10. словен.	152	11. русск.	179
11. в.-луж.	164	12. словен.	193
12. хорв.-серб.	193	13. в.-луж.	209

Сравнивая полученные списки с теми, которые были выведены из табл. 2, можно обнаружить много любопытных частных расхождений.

Т а б л и ц а 4

I			II		III		IV		V		VI		VII		VIII		IX		X		XI		XII		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24		
рус.	пол. 6		блг. 9		чеш./ (срб.) 10				блр./ (хрв.) 11				слц. 12		мак. 13		укр. 14		н.-л. 16		в.-л./слв. 18				
блр.	мак. 4		укр. 5		слц. 7		блг. 8		(срб.)/н.-л. 9		(хрв.) 10		рус./в.-л. 11			пол. 13		слв. 15		чеш. 17					
укр.	мак. 3		блр. 5		блг. 7		(срб.) 8		(хрв.) 9		слц. 10		пол. 12		рус./н.-л./слв. 14				в.-л. 16		чеш. 20				
пол.	рус. 6		чеш. 8		слц. 10		(хрв.)/блг. 11			слв. 12	(срб.)/укр. 12			блр. 13		н.-л. 14		мак. 15		в.-л. 16					
н.-л.	в.-л. 2		слц. 8		блр. 9		слв. 12		мак. 13		пол./чеш./укр. 14		(хрв.) 15		рус. 16		блг. 17		(срб.) 18						
в.-л.	н.-л. 2		слц./слв. 10		блр. 11		чеш. 12		мак. 13		пол./укр. 16		(хрв.) 17		рус. 18		блг. 19		(срб.) 20						
чеш.	пол./слв. 8				слц./рус. 19		(хрв.) 11		в.-л. 12		н.-л. 14		(срб.) 16		блр. 17		мак./блг. 19		укр. 20						
слц.	блр. 7	(хрв.)		н.-л. 8		мак. 9		чеш./пол./в.-л./слв./ (срб.)/укр. 10										рус. 12		блг. 13					
слв.	чеш. 8		слц./в.-л. 10			н.-л./пол. 12			укр. 14		(хрв.)/блр. 15			мак./блг. 17			рус. 18		(срб.) 20						
(хрв.)	(срб.) 5		слц. 7		мак. 8		укр. 9		блр. 10		рус./чеш./пол. 11			блг. 12		слв./н.-л. 15			в.-л. 17						
(срб.)	(хрв.) 5	мак.		укр. 8		блг./блр. 9			рус./слц. 10			пол. 12		чеш. 13		н.-л. 18		слв./в.-л. 20							
мак.	укр. 3		блр. 4		(срб.) 5		(хрв.)/блг. 8			слц. 9		рус./н.-л. 13			в.-л./пол. 15			слв. 17		чеш. 19					
блг.	укр. 7		блр./мак. 8			(срб.)/рус. 9			пол. 11		(хрв.) 12		слц. 13		слв./н.-л. 17			в.-л./чеш. 19							

3.4.2. Оценивая бинарные ответы по 15 критериям (табл. 1—4), необходимо иметь в виду сделанные выше оговорки; вместе с тем содержание табл. 1, 3 и 4 весьма информативно. Табл. 1, показывая наличие или отсутствие отдельной особенности (хотя и не раскрывая, в какой степени она представлена и каким образом она реализуется), дает представление о подобии и различии отдельных языков. Табл. 3 и 4 конкретизируют это представление в другом отношении; здесь вводится новое измерение, дающее возможность рассматривать данные не изолированно, а как некоторую систему: сходство двух языков по типу стандартности не одномерно. Это значит, что если язык В обнаруживает ближайшее сходство с языком А, то не во всех случаях язык А должен быть ближайшим к языку В, хотя показатель их близости, определенный в табл. 2, будет одним и тем же. Такого рода взаимное соответствие наблюдается, например, между русским и польским языками, и их взаимное сходство оценивается в табл. 3 двумя единицами и действует в обоих направлениях (т. е. как от русского к польскому,

так и от польского к русскому), однако в отношении, например, русского и болгарского языков уже не будет такого взаимного соответствия: близость болгарского к русскому оценивается в 4 единицы, а русского к болгарскому — в 8 единиц. Следовательно, болгарский стандартный язык ближе к русскому, чем русский к болгарскому.

Таким образом, можно любую группу стандартных языков, связанных какими-то общими свойствами, рассматривать как систему, дающую возможность установить типологию их стандартности и отношения каждого языка к другому. Предложенным методом можно классифицировать и языки, генетически не связанные, если они объединяются какой-либо общностью. Было бы полезно сравнить, например, таким же образом типы стандартности средневропейских стандартных языков, независимо от генетических отношений их диасистем.

Для науки о стандартных языках, безусловно, полезно изучение такого рода фактов. Например, хорватскосербский стандартный язык получает низкую оценку по особенностям его стандартности (см. комментарий к табл. 1) и одновременно как тип стандартного языка считается наиболее дивергентным (см. комментарий к табл. 2 и 3), однако относительно его вариантов нельзя сказать ни того, ни другого (см. комментарий к табл. 1, 2 и 4). Анализ фактов, которые обусловили столь различное место хорватскосербского языка в разных списках, показывает, что причина этого кроется в факте наличия его вариантов и в фактах, приведших к их возникновению.

Типология стандартности имеет значение и для сравнительного изучения генетических отношений, хотя эти дисциплины совершенно различны: так, например, на табл. 4 хорватский и сербский варианты занимают не соседние места, тогда как во всякой генетической классификации славянских языков эти варианты вообще не могли бы фигурировать как полноценные члены сравнения из-за отсутствия между ними релевантных субстанциональных различий, сравнимых с различиями между другими славянскими языками<sup>47</sup>. Однако типология стандартности все же может оказаться полезной для генетической классификации. Приведу только один пример. Безусловно, никакая всесторонняя и надежная генетическая классификация не должна ограничиваться фонетическими (или фонологическими) и морфологическими критериями (как это часто бывает); необходимо, кроме того, использовать и словарные данные. Если взять в качестве источника сравнения общеславянский лексический фонд Ф. Копечного<sup>48</sup>, то можно было бы определить схождения и расхождения для 12 славянских диасистем, а затем преобразовать полученные данные в цифровые показатели, как это было сделано в табл. 2 и 3; однако в этом случае мы бы измерили родство языков, а не их сходство. Я проделал такое сравнение по нескольким буквам. Полученная картина поражает двумя фактами: оба лужицких языка (особенно нижнелужицкий), так же как македонский и белорусский, обнаруживают по отношению к другим славянским языкам гораздо меньшее сходство, чем сходство, обнаруживаемое другими славянскими языками по отношению к данным языкам. И, наоборот, языки, которые были определены как оптимально стандартные (русский, польский, чешский), оказываются более близкими к другим языкам, чем это можно было ожидать. Объяснение здесь может дать типология стандартности: лужицкие языки находятся в специфической ситуации, македонский и белорусский поздно сформировались как стандартные языки, и длительное отсутствие нормы обусловило утрату общеславянских лексических элементов, а устойчивая стандартность чешского, польского и русского языков способствовала консервации тех лексических единиц, которые при органическом развитии наверняка были бы утрачены. На других уровнях языка (морфологическом, синтаксическом, фонологическом) также возможны факты подобного рода.

<sup>47</sup> Ни одна из методик, предложенных в работах, приведенных в примеч. 17, не может быть применена для выявления различий между хорватскосербскими вариантами. В лексической статистике эти различия занимают менее одного процента (только *jetra* ~ *džigerica* «печень» четко различается в списке из 100 слов, хотя оба эти слова известны носителям обоих вариантов).

<sup>48</sup> См.: F r. K o p e č n ý, *Základní v šeslovanská slovní zásoba*, Brno, 1964.